

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ

БРАТ
ИМПЕРАТОРОВ

Отец императоров

Юрий Иванович
Брат императоров

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Иванович Ю.

Брат императоров / Ю. Иванович — «Эксмо», 2017 — (Отец императоров)

ISBN 978-5-699-95423-0

Легендарный Отец императоров, наш современник, Семен Загребной, вместе с женой-демонессой заброшен на Пятый уровень Эфира – мир, считающийся непригодным для обитания разумных существ. Взрослые дети Семена давно считают его погибшим и оплакивают его. Они даже не подозревают, что отец не только сумел выжить, но и существенно увеличить семью! Ведь демонесса нарожала ему еще четверых детей. И самый старший из них, двадцатилетний полудемон Дмитрий, изо всех сил ищет выход из непредсказуемого, населенного кошмарными монстрами Пятого уровня...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95423-0

© Иванович Ю., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	36
Глава 7	40
Глава 8	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Юрий Иванович Брат императоров

Глава 1 Рисковые приятели

Вот оно, самое большое для них развлечение! Отяжелевший от обжорства, расслабившийся монстр замер с раззявленной пастью под вялотекущим водопадом из тяжелого тумана, состоящего из алой травяной сукровицы. Точнее, под сукропадом.

Искривленный ствол дерева – в щель! Налечь всем телом!

– Помогай! – эта команда уже для Отелло, или Чернявого, разумного черного пса, который готов на все ради друга, приятеля и названного брата.

Отелло и рад стараться, своим массивным телом заваливаясь на импровизированный рычаг. Здоровенный валун качнулся, готовый вот-вот рухнуть прямо в конечный пункт сукропада. Но тут в потоке мелькнуло тело очередного ежа, и Дим притормозил слаженные действия:

– Стоп! Замири! – Команда была выполнена, но громадные глазищи приятеля уставились на парня в некотором недоумении. Мол, чего это мы? Забавы не будет?

– Нет, сейчас продолжим...

Очередной хруст, чваканье – и вот пасть снова готова к ловле зазевавшейся пищи. Главное, самим вниз в этот момент не свалиться, но твердь под ногами вроде не сминается, не оползает и не растворяется. Значит, можно стоять, не смещаясь на соседний участок.

Дразнить джонла всегда опасно. Эта громадная тварь, с наибольшим удовольствием питающаяся крупными, метровыми в диаметре ежами, может в порыве бешенства сотрясать фундаментальные пещеры, ломать опорные сталактиты со сталагмитами, а то и уничтожить своими рогами и бивнями практически любого местного монстра.

Да и само поедание ежей, с костяными колючками до полуметра, выглядело настолько мерзостным и отталкивающим, что хотелось убраться из этого места как можно быстрее. Вот очередной еж катится по туманному желобу, не ведая об опасности. А в следующий момент гигантская пасть джонла уже схлопывается с противным скрежетом и хрустом, перетирая иглы в муку, хотя те настолько прочны и остры, что их можно использовать вместо мачете или лезвия для косы.

Затем несколько жевательных движений, завершающихся глотательными движениями, и желанный деликатес проталкивается в бездонное брюхо бочкообразного монстра. А опустевшая пасть вновь поднята вверх и раскрыта в ожидании очередного ежа, куда-то спешащего в своей вечной миграции.

Как раз в этот момент и начинается самая потеха. Вновь два тела наваливаются на рычаг, и замерший в неустойчивой позиции валун срывается вниз. Причем он лишь немного больше по размерам, чем еж, что не позволяет твари, позабывшей о бдительности, вовремя рассмотреть подмену. Глухой удар! Скрежет! Хруст крошащихся зубов и скрипящего от страшного давления камня. И рев смертельно обиженного чудовища! Бешеный рев, от которого внутренности сворачиваются и мышцы отказываются повиноваться.

Да только Дим и Отелло ко всему привычны. Посмеиваясь и порывая от плещущего в крови адреналина, они уже мчались на максимальной для себя скорости по правому берегу сукротока. А на глухие удары, рев и сотрясения грунта у себя за спиной внимания почти не обращали. Ожидали, что джонл их в покое не оставит, а потому путь отступления наметили идеальный.

Преследователь разворотил своим телом устье сукропада, проломил на нижнем уровне опоры верхнего слоя, гигантскими прыжками взобрался наверх и теперь мог прекрасно рассмотреть спины своих обидчиков, скормивших ему гранитную глыбу. Ну и, наверное, готов был мчаться за ними до победного конца.

Вот только ум как таковой у данного обитателя Эфира как бы отсутствовал. А врожденные инстинкты не могли заменить банальной сообразительности. И когда бегущие впереди фигурки неожиданно легко промчались мимо представителей многочисленного семейства зёмерей, джонл тоже не стал останавливаться. Тем более что расстояние до беглецов значительно сократилось.

Зёмерь, громадный переливающийся каток-диск первородной силы, тоже одна из самых живучих тварей Пятого уровня. В одиночку она с колючим бочкообразным монстром не справится, но вот с семейством да стоя на защите подрастающего потомства... О! То еще получилось побоище. Пусть и кратковременное.

Джонл прорвался только потому, что не стал останавливаться. Хотя из его бронированного тела и вырвали громадные куски плоти, сломали несколько шипов, рог и один бивень. А не остановился для сражения потому, что главное его оружие, пасть, оказалось выведено из строя.

Озлобленный рев стал тоньше и постепенно перешел в визг. Оглянувшийся Дим озадаченно фыркнул:

– Несется к нам, скотина!.. Сворачиваем ко второй прёте!..

Прётей он для краткости называл застывшие протуберанцы растительной живицы, которая выплескивалась из щелей между сходящимися массивами пещер. Случалось такое редко, только при попадании между массивами резинового облака. Оно состояло из упругой древесины, которую отец чаще называл каучук, и при огромном давлении взрывалось. Но вот именно при взрыве плещущие в стороны протуберанцы так быстро остывали в розоватом тумане обычного игтриса, что становились прочней, чем древесина редко растущих гигантских деревьев. И порой торчали во все стороны от массивов, медленно плавающих в туманных течениях. Опадали они и тонули в иных потоках только после отторжения пещер друг от друга и размокания в иных ядовитых туманах.

Вот сейчас парочка друзей и свернула резко к одному из таких застывших отростков. Домчалась до его основания, быстро по нему пробежала до самого кончика, подхватила лежащие там арбалеты и застыла, с интересом и безбоязненно рассматривая приближающегося преследователя. А тот, не снижая скорости, попытался скакнуть вверх, разевая при этом свою огромную пасть. Но так и пролетел гораздо ниже своих обидчиков на добрых пять, а то и шесть метров.

Приземлился вообще неудачно, пропоров кожу на брюхе об острия торчащих вверх кристаллов зеленой соли. Но сразу же вскочил, не обращая внимания на новые раны, развернулся и собрался прыгать повторно. Только вот, сделав пару шагов, сразу же значительно просел в сыпучем песке, который пятном раскинулся как раз под окончечностью протуберанца.

– Ну вот, все точно рассчитал! – не удержался Дим от хвастовства.

– Гы-ы? – Чернявый указал мохнатой лапой в ту сторону, откуда они только что примчались. Там показался выкатившийся из-за валунов зёмерь, самый крупный из потревоженного семейства и наиболее разозлившийся.

– А что ты хотел? – нисколько не смутился парень. – Их там раньше столько не было. Да и мы с тобой решили, что джонл их всех порвет.

– Ух-ух-ух! – это закадычный товарищ по играм и развлечениям так смеялся. Понимал он много, имел высшее образование, а вот укорить в нечестности мог только так.

– Ладно, ладно, не мы, а я ошибся. Просчитался с уничтожением семейства земерей. Да и валун мы слишком большой скинули... Глянь, как пасть этой скотине повредили... Но в любом случае нам ничего не грозит. Пока...

– Гу-гу? – ирония тоже была присуща здоровенному псу, как его квалифицировала мама Люссия. Правда, отец пытался отнести Отелло к другому классу разумных и упорно называл его каким-то орангутангом. Только вот Диму, его сестрам и брату это было как-то все равно. Пусть хоть медведь, скрещенный с жирафом, главное, что свой, почти родной и давно воспринимаемый как член семьи.

Сейчас этот иронизирующий родственник утверждал, что и здесь задерживаться не стоит. Средство для ухода имелось: две прочные веревки из лиан, уцепившись за которые можно было сместиться очень далеко, на твердь одной из пещер, зависшей над озером из едких кристаллов. Там уже точно ни один из преследователей парочку друзей не достал бы.

Только вот сама привязка лиан, заводка их на прётю, с последующими испытаниями и подгонкой, заняли столько времени, что возиться с этим повторно было бы глупо. Запасной выход всегда мог пригодиться повторно. И Дим попросил:

– Не спеши! Спрыгнуть всегда успеем, а вот подразнить тварей надо обязательно. Может, все-таки они взбесятся, передерутся да издохнут? – но сам левой рукой все-таки ухватился крепко за свою лиану.

– Не-е! Не-е! – не соглашался пес. Еще и головой лохматой мотал отрицательно.

– Да и мои новые огоньки надо попробовать. Ты ведь сам давно требуешь испытаний. А где мы еще живых существ отыщем, да еще в такой удобной позиции?

Морда приятеля искривилась в страшном оскале, что считывалось знатоком мимики как сомнение. Поэтому Дим продолжил уговоры, тыча правой рукой в сближающихся монстров:

– Сейчас они передерутся. Джонл, конечно, победит. Но и сам получит несколько ран. Совсем силы потеряет, но разумом взбесится окончательно после моих огоньков. Так и будет топтаться под нами, пока его в зыбучие пески не засосет.

– Хм! – подобное хмыканье получалось у Отелло идентично отцовскому и могло означать что угодно. От «Ну ты и лопух, дружище!» до «Уважаю твой достойный выбор!».

Но теперь уже оба приятеля старались не упустить малейшей детали намечающейся схватки. Наверное, потому и смогли рассмотреть все странности и объяснить впоследствии неожиданности произошедших действий.

Бочкообразный джонл шел вперед очень медленно, покачивая с угрозой оставшимися рогами и бивнями. При этом рычал как-то слишком утробно и витиевато. Дископодобный земерь тоже не рвался в драку, накатываясь по чуть-чуть и грозно посвистывая своим предвзвительным инфразвуковым оружием.

Тем более странными стали их последующие действия. Джонл опустил свою громадную башку максимально вниз и стал пятиться. При этом свой широкий зад словно специально поднял вверх. Тогда как земерь стал прокручиваться на месте.

– Гы-ы? – не удержался от озадаченного восклицания пес.

– Да и я ничего понять не могу, – согласился с ним парень. – Первый раз такие игрища вижу.

– У-у? – мохнатая лапа указала в сторону поворота, из-за которого и появились монстры.

– Если оттуда сейчас все семейство покажется, тогда все понятно. Но это вряд ли, прятаться или сидеть в засаде этим живым спиралям не присуще. Значит, «бочка» хитрит... А так как он заведомо сильнее, даже раненый, то надо ему изначально «помочь», подравнять шансы сторон, как говорит отец. Ха-ха! Вот я сейчас и...

На его правой ладони появился и стал насыщаться пламенем яркий огонек.

Чуть позже земерь, крутнувшись на месте и ударив визгом, покатился вперед, резко набрав скорость. А джонл так и замер в странной для отражения атаки позиции.

Но парень этим и воспользовался, метнув огонек с точностью истинного снайпера. Да разве можно промахнуться, если мишень настолько громадна? Вот огонек, или, как его чаще называли родители Дима, файербол, так и влетел в клоачное отверстие, зияющее прямо под задраным вверх коротким, но массивным хвостом.

За мгновение до того, как раскаленный сгусток первородного огня стал прожигать плоть, атакующий земерь ударился о грунт и подскочил. Высоко подскочил, вполне достаточно, чтобы, приземляясь, ударить в откляченный зад своего противника, затем и от него оттолкнуться, как от трамплина, и в результате таких кульбитов всем телом удариться о кончик протуберанца. Того самого, на котором застыли оба приятеля.

Только вот вовремя, пусть и по совсем иным причинам, запущенный файербол спутал все коварные планы монстров. Джонл с ревом боли резко присел, одновременно с этим задирая голову вверх. И как раз феноменально точно полоснул рогом по энергетическому корпусу пролетающего над ним земеря. Теперь уже оба монстра ревели, скрипели, визжали и свистели от боли. Первый тер задом по грунту, сдирая куски прожженной плоти, а второй пытался встать на ребро в том самом пятачке сыпучего песка.

– О-о-о! – весьма многозначительно протянул Отелло, подкрепляя свою насыщенную речь ударами сжатой лапы по собственному лбу. В данном случае про него можно было бы сказать: «Разболтался!» Но уж слишком много всего хотелось высказать. И про своевременность запущенного огонька. И про немалый риск того, что не прыгнули отсюда своевременно. Но самое главное: удивляла невероятная сообразительность и координация действий обычно непримиримых врагов. В данной ситуации четко прослеживалась умственная деятельность, не присущая диким тварям Эфира. Они явно поняли, кто здесь озорует, заключили временный союз и весьма разумно попытались уничтожить своего настоящего врага.

Вот это больше всего и поражало.

– Если честно, Отелло, то и я глазам не верю! – признался ошарашенный Дим. – Такого не бывает! Расскажу родителям, ни за что не поверят!

– Э-э! – возразил приятель и ударил себя кулаком в грудь. Мол, я подтверждаю!

– Ага! Ты уже недавно пытался меня поддержать, – напомнил парень. – Так веслом от матери получили оба. И ты первый же, как трус, сбежал.

– Мм... Ма! Угу-ус! – пес даже обиделся на такое обвинение. Дескать, твою мать даже отец боится, куда уж мне против нее рыпаться.

И опять одной лапой ткнул в сторону тварей, а второй еще крепче ухватился за натянутую лиану. Теперь он настойчиво приглашал покинуть это опасное место. И были причины. Джонл развернул свое бочкообразное тело, приблизился к пятну песка и, задрав голову, рассмотрел хорошенько своих обидчиков. Затем окинул маленькими глазками весь протуберанец, угрожающе взревел и умчался к массиву пещер, откуда и торчал окаменевший отросток. А там с ходу стал его крошить не только рогом, но и бивнем.

Получалось не очень, но весь протуберанец затрясся и задрожал, словно тонкая веточка или изогнувшийся до предела ствол алого бамбука.

И что самое интересное, вставший на ребро земерь застыл на месте. Его диагональные круги задвигались, заискрились, показывая, что плоть видит пищу и готова к ее приему.

– Вот же редиски! – зафыркал парень с возмущением. – Это с какой стати они так поумнели, что вместе охотиться стали?!

– Мы-ы? – засомневался приятель в своем праве ходить на охоту.

– Сравнил! Мы-то с тобой не звери! Мы-то с тобой – разумные создания!

– Гы-ы? – Лиана еще больше натянулась.

– А вот когда прбтя обломается, тогда и полетим, куда нам надо. Пока посмотрим, как этому наглому диску по кумполу достанется.

– Ре-е! – Псу очень нравилось иномирское ругательное выражение, которое часто выкрикивал отец его лучшего приятеля. Хотя ни он, ни сам приятель понятия не имели, что собой представляет некий овощ и почему он настолько ругательный. К тому же иные неведомые им овощи тоже часто употреблялись в Пятом вместо ругательств.

– Правильно! Настоящие редиски! И хрен бы им в тыквы! – последнее выражение понималось так: некие замороженные сосульки воды вопьются в состоящие из овощей мозги.

– Угу!

Протуберанец уже опасно поскрипывал и раскачивался, когда сработала заранее намеченная ловушка. Правда, попалась в нее совсем иная тварь, зато как эффектно и с какими приятными последствиями. Стоявший на ребре земерь, оцепеневший в предвкушении добычи, увлекся настолько, что не заметил, как погрузился в зыбучий песок почти на треть своего корпуса. А когда осознал себя в плену, задергался и заверещал, словно паровозный свисток. Земери всегда так делали в моменты паники или перед смертью, и отец сравнивал их с подбитым паровозом.

Как паровоз выглядит и почему дышит паром, отец объяснял, рисовал и подробно рассказывал. Но из двух приятелей принцип движения горы из железа понял только пес, уверенно кивавший после вопроса: «Так вы поняли?» Дим же, чувствуя себя ущемленным, так ничего и не понял.

Разве что сейчас предположил чисто философски:

– Даже паровозные свистки не хотят умирать...

Затем опять произошло крайне необычное явление. Услышав визг своего временного (или все-таки постоянного?!) союзника, джонл на всей скорости устремился на помощь. Потому что такой туше, несмотря на общий вес и габариты, толстые подушки на лапах помогали проскакивать даже огромные поля зыбучих песков. Конечно, если не стоять на месте, любуясь этими полями и ожидая вырастания там цветочков.

И если не быть раненым.

И если не пытаться вытолкать на безопасное место иную, довольно громоздкую тушу.

А джонл пытался! И очень старался при этом! Можно сказать, действовал с самым крайним, истинным самопожертвованием.

Скорей всего у него и получилось бы спасти союзника и самому выбраться. Но он совсем забыл про главных инициаторов всего этого безобразия. А внимательно присматривающийся с высоты Дим, уже приготовив очередной «огонек», приговаривал:

– Сейчас, сейчас, мы тебе опорную ножку-то подрежем... Только вытяни ее как полагается... – Еще и приятеля успокаивал: – Не переживай, у меня силенок еще на один такой файербол останется, не пропадем! Да и арбалеты еще не использовали. Ну... О!

И сгусток пламени ударил в переплетение сухожилий на правой задней лапе бочкообразного монстра. Вовремя! Лапа сразу перестала слушаться, перекосилась в судороге, и тяжеленное тело именно с той стороны стало проваливаться в песок. Земерь тоже не сумел выбраться, уже самостоятельно пытаясь опереться на круп своего опрометчивого союзника.

Через триста ударов сердца все еще шевелящийся на глубине песок стал выравниваться на поверхности и темнеть от равномерно распределяющейся в нем влаги.

Приятели переглянулись и стали выпутывать слегка онемевшие конечности из петель свитой из лиан веревки.

– Уф! – выдохнул Чернявый. – Угу-ус!

– Да уж, – согласился с ним парень. – Хоть мы и знатно повеселились, но отцу все придется рассказать. Слишком оно все странно и загадочно происходило... И опасно!.. Только это... надо постараться, чтобы матери при этом не было. Уловил?

– Э-э! – очередной удар по могучей груди утверждал: «На меня можешь положиться во всем!»

И друзья-приятели поспешили в сторону массивов с пещерами.

Глава 2

На задворках или в центре?

То, что творилось в данном слое Эфира, трудно было назвать жизнью. Материя создавала невиданные порождения плоти и тут же безжалостно захватывала их своей утробой. Иные креатуры хаоса вырывались на свободу, разрастались с невиданной скоростью и поглощали друг друга, не замечая ни сути своих действий, ни смысла своего существования. Некоторые создания атаковали не друг друга, а ту самую материю, что их породила.

Взрывались тверди, каменели газовые пространства, испарялись лавы магмы, кипели ледяные озера.

Эфир. Неуправляемый и неподвластный. И совершенно не понимающий тех, кто его делил на какие-то прослойки или уровни.

Место смерти, где, казалось, ни о какой жизни, и тем более разумной, не могло быть и речи.

Но некий уровень, возможный для обитания, все-таки имелся. Правда, возможность предполагалась не для *существования* – а для выживания, и крайне временного. Да и выживания не *разума*, а дикой природной силы, исключающей всякую осмысленность и существующей лишь благодаря инстинктам. Однако сам *уровень* настолько выходил за рамки этого простого слова, что скорее его следовало сравнивать с целым миром.

И только условно его бы следовало называть Пятым, потому что за его пределами просматривались более тонкие, более четкие уровни с соответствующими номерами три-четыре и шесть-семь. Хотя и сам Пятый при желании можно было разграничить и классифицировать как добрую сотню прослоек, платформ, материков или иных величин. Или попросту разбить на чисто линейные обозначения. Но все же построить классификацию оказалось бы затруднительно: здесь редко что оставалось неизменным, и уж тем более ничто здесь не находилось на своем месте продолжительное время. Все смещалось, изгибалось, вытягивалось, сгорало, крушилось, истаивало и вновь твердело без всякой логики или последовательности. Случалось, в здешнем Эфире воздух горел, как бензин. Уголь стекал, как вода. Жидкость взрывалась, словно тротил. А текущее пламя застывало, словно скала.

Вдобавок атмосферы как таковой не существовало, а чем дышали живущие в Пятом существа, оставалось только догадываться.

Имелись и островки относительного покоя, некоей стабильности, состоящие из массивов твердых тел и называемых пещерами. Каждый такой массив по средним стандартам не превышал размера самого громадного земного стадиона, еще и прикрытого сверху куполом. Именно такой размер являлся идеальным для выживания в этом мире. Мелкие массивы крошились во время частых слияний с себе подобными, а слишком крупные раскалывались от внутреннего давления.

Сопровождали массивы в полете целые кучи облаков из растительной живицы, образующейся из растущего сумбурно кустарника, бутылочных и подобных им деревьев, гигантских грибов и ягод-скороспелок, каждая из которых достигала за короткое время размеров гигантской тыквы. Вот эти облака и служили своеобразными бамперами, или кранцами, во время столкновений тяжелых и неповоротливых пещер.

Двигались массивы на первый взгляд в хаотичном порядке, в котором не существовало правил динамики, инерции или гравитации. Порой самые плотные и прочные на вид, компактно сгруппированные, рассыпались первыми. Тогда как угловатые, перекошенные и смущающие головоломной формой массивы оставались неизменными чуть ли не вечно.

Противоречила всем законам физики и сила притяжения на массивах и внутри них. На поверхности и в толще она была одинаковая, по некоторым подсчетам, превышающая земную на две десятых. В самом центре, коль имелась там пещера, царила полная невесомость. Ну и самое опасное: падая на поверхность массива с высоты более десяти метров, живое существо отталкивалось в обратную сторону с нарастающим ускорением, потом по орбитальной дуге облетало массив и с разгона вонзалось с противоположной стороны пещер.

Чехарда из нонсенов и абсурда. Не оставляющая никаких шансов на выживание. Казалось бы...

Но за долгие годы проживания в Пятом особо наблюдательным существам удавалось замечать закономерности, фиксировать разницу и вычислять, предвидеть определенные смещения пещер. А также заранее угадывать, которые из них наиболее безопасны для существования во внутренних тоннелях и кавернах.

Даже не так, не «угадывать». А смотреть внимательно на полосы, на цвет выступающей живицы, на оттенки тысяч пятен влаги, газа, языков пламени и блесков нарождающихся кристаллов. При этом анализировать вязкость веществ, скорость растворения одного в другом и близость преобразований, во время которых пар может превратиться в камень, огонь в лед, а безобидный газ вдруг станет гигантским ядовитым грибом.

Точнее говоря, долго здесь жили либо совсем безмозглые создания, выживающие по принципам стадного инстинкта или материнской программы, либо те, кто умел хорошо разбираться в цветах и оттенках. А чтобы разбираться в цветовых гаммах, надо быть тем еще умником, оперировать значительным объемом памяти и хоть как-то предвидеть ближайшее будущее.

Желательно при этом иметь некоторые паранормальные способности. Лучше всего обладать магическими умениями шабена хотя бы сотого уровня. Ну и совсем нереально было бы здесь застрять бессмертным существам, к которым приравняются шабены от сто семидесятого уровня и выше. Потому что такие бессмертные, по легендам, вообще могут заглядывать во все слои Эфирного мира, доставать оттуда любые вещи, любое вещество и любых кошмарных созданий, ну и, естественно, могут самого себя оттуда вынуть за волосы, как барон Мюнхгаузен.

Только вся беда заключалась в том, что человек Семен Загребной и его супруга, трояся Люссия Фаурсе, попали сюда в крайне необычных обстоятельствах. Сражаясь с Сапфирным Сиянием, всемогущим бестелесным духом Изнанки, они сумели победить его лишь ценой своих жизней и отдав все свои магические силы без остатка. Именно все и, как казалось вначале, навсегда.

Таковы были условия поединка: жизнь троих бессмертных + все их магические силы + легендарное копьё Убийца богов = введение в сон или в крайне младенческий возраст неуничтожимого демона.

Победа того стоила. На кону стояла не только жизнь оставшихся на Изнанке четверых детей Семена, но и всего человечества, проживающего на громадном материке. А после гибели людей недолго продержались бы и демоны, обитающие в иной ипостаси Изнанки и проявляющиеся для людей лишь на Платформах. Как и люди для них. Да и принципиальных различий между людьми и демонами не существовало. Разве можно принимать за оные хвост и рожки?

Вот разумные мира Изнанки и не заморачивались этими различиями. Да и не видели демоны людей, а люди демонов. Этого редкого умения удостаивались лишь маги, называемые там шабены.

Но уже давно тот мир стал недоступен Семену и Люссии.

Как они выжили? И почему попали именно в Пятый слой Эфира?

Ответить на эти вопросы они так и не смогли за долгие годы своего отшельничества. По всем легендам, умершие на Изнанке разумные существа попадали в высшие слои Эфира и там как бы жили вечно.

Но супруги почему-то оказались невесть где. Не веря в факт своего спасения и только благодаря тому, что вцепились друг в друга так, что чуть не задохнулись. Лишь осознав себя продолжающими мыслить, говорить и осязать, приступили к спасению своих тушек, кормлению, созданию достаточных жилищных удобств и так далее.

В то время им было не до философских вопросов: как мы выжили? Почему не потерялись? И как отсюда выбраться?

Лишь по прошествии доброго десятка лет они совокупными усилиями пришли к единому мнению: мы на Пятом уровне. А все потому, что довольно хорошо знали, что есть на третьем, и успели заучить, что можно выловить на четвертом. Также бывшая преподавательница в Матораксе частично помнила, кто и что встречается в Пятом. Вот по совокупности всех этих знаний и определились.

Но сложнее всего оказалось определиться со временем. Часов здесь создать ни песочных, ни водяных нельзя. Да и с чем их соотносить, будь вода постоянной, а песчинки всегда идеального размера? В Эфире нет постоянства как такового, здесь все движется и изменяется, здесь даже сделанный для образца метр то удлинялся, то укорачивался относительно уже сто раз измеренных вещей.

Так что единственным более верным отсчетом вынужденного отшельничества стало взросление детей.

Первым родился Дмитрий, называемый чаще всего кратко – Дим. Тот самый малыш, который, еще будучи в чреве своей матери, демонессы, считался третьим бессмертным, сражающимся с Сапфирным Сиянием. Он родился через определенное все-таки количество месяцев. Рос вполне обычным карапузом, в год примерно пошел. В два уже научился всюду говорить, в три года стал бегать, превратившись в стихийное бедствие и не погибнув сотни раз буквально чудом.

Когда Дим примерно вымахал до возраста четырехлетнего ребенка, родились его сестры, двойняшки. Алла и Кэрри. Когда девочкам исполнилось шесть лет, появился на свет самый младший в семье ребенок, получивший в жутких спорах и диспутах всей семьи имя Булат. Да он таким и остался: крепенький, медлительно-спокойный и задумчиво-философский. И красавчик! Белокурый такой, волосы колечками, голубоглазый, милый, бело-пушистый и бархатный. Если бы не родился и не жил в Эфире, стал бы разбалованным и капризным с самых пеленок.

А в Эфире рвал жилы и вгрызался зубами в науку выживания и только в выгодную сторону отличался от сестер и брата спокойствием и уравновешенностью.

Но вот именно по детям родители и определяли свой проведенный на Пятом срок. Получалось около двадцати лет. Именно таким, двадцатилетним, превосходно развитым мужчиной и выглядел человек-демон Дмитрий Загребной. Удалец! Певец с идеальным слухом. Знаток с феноменальной памятью. Лихой рубака! Удачливый охотник. Хитрейший следопыт. Меткий арбалетчик. С ходу определяющий малейшую опасность в постоянно меняющемся хаосе Эфира. Ну и вдобавок довольно развитый маг, имеющий массу полезных умений и навыков.

Только вот по знакомой шкале уровней шабена его никак нельзя было квалифицировать. Существующая на Изнанке градуировка уровней на Пятом не годилась совершенно. Например, порой нечто удавалось сделать из сорокового, но никак не удавалось совершить простейшее действие третьего уровня.

Но в любом случае сын считался уже взрослым.

А потому и спрашивали с него, как с равного.

А он... Вместе со своим мохнатым закадычным дружкой Отелло чего только не вытворял!

Кстати, про пса, которого Семен иногда пытался именовать орангутангом. Разумных как таковых на Пятом *обычно* не было. Ни умерших где-то *там* и проявившихся *здесь*, ни провалившихся откуда-то *оттуда*, еще будучи живыми. Но иногда некие пробои в пространстве или нечаянные телепортации все-таки случались.

Чаще всего появлялись совсем иные существа, резко отличающиеся от людей и демонов Изнанки. Почти всегда они погибали сразу. Слишком уж тут условия жизни отличались от прежних. Например, треть прибывших банально задыхалась в здешней атмосфере. Причем даже в той, где семейство Семена чувствовало себя великолепно.

Треть умирала от ядов, тонула в глубинах кислотных рек, пропадала, будучи раздавленной... и т.д. и т.п.

Последняя треть «потеряшек» оказывалась банально съеденной. Ибо все хищники здесь росли стремительно, ели много, охотились проворно. Что обобщало все три трети: все они оказывались в Эфире в «чем мать родила». Так что порой чьи-то бранные останки никак не получалось идентифицировать как принадлежащие разумному существу.

Наверное, так же случилось и с матерью Отелло. Она успела родить и забросить креатуру в узкую, длинную расщелину. После чего неудачно нарвалась на кого-то из крупных хищников. А пятилетний Дим услышал жалобный писк, влез с риском для жизни в неудобную расщелину, достал умирающий комок трясущейся черной кожи и принес домой. И сам лично выхаживал странное существо все первые месяцы, кормя его самыми качественными редкими продуктами.

Находка оказалась с четырьмя лапами, на пятый- шестой месяц она покрылась черной шерстью.

– Пес! Пастуший пес! – изначально заявила Люссия с апломбом все знающего преподавателя. – У нас в Стимии такие волкодавы пасут в горах отары овец.

– Хм! – сомневался Семен. – А как по мне, он смахивает на орангутанга. И хвост у него именно такой... Это, чтобы ты знала, такие...

– Псы! Спасибо, я знаю! – настаивала на своем трияса. – И ничего не имею против, если этот Чернявый станет поддаваться дрессуре. Будет охранять наше расширяющееся хозяйство.

Ну да, к тому времени в используемых семейством пещерах уже имелось несколько десятков животных, которых можно было отдаленно сравнить с курами, козами, овцами и весьма приятными на вкус кабанчиками. А задерганная мать, как раз ставящая дочерей на ноги и обучающая их ходить, выглядела слишком нервной, чтобы с ней долго спорить. Имеющееся некое подобие молока от коз для нее было важнее, выше всяких неудобств от появления в семье иного существа.

А что называли его так странно, так это после шутки Семена:

– Вырастет, станет грозным и будет рычать, как знаменитый мавр Отелло.

Имя приклеилось, слова стали пророческими, хотя с той же частотой Отелло именовали Чернявым. К огромному сожалению, устройство гортани не позволяло странному существу издавать человеческие звуки.

Вот так и взрастал Отелло под постоянным патронатом своего спасителя. В три года он поражал своим умом и сообразительностью. В четыре заговорил простейшими гласными звуками. В шесть доказал, что понимает буквально все и уровень его умственного развития стремительно нагоняет уровень развития самого Дмитрия. То есть уже тогда исчезли последние сомнения в его разумности. И порой несущееся к нему обращение «мохнатик» ни в коей мере не отдавало чем-то оскорбительным или унижительным. Скорей было ласковым и уважительным. В противовес этому Дмитрия часто называли «лохматиком» за торчащие во все стороны непослушные вихры.

Да разве что обе сестрички порой дразнили младшего их на год товарища и названного брата «малолеткой». Уж очень им хотелось казаться старше, взрослее и умнее. Хотя упомянутый малолетка, будучи семи лет от роду, обогнал малявок величиной тела и массой набранных мышц. Но сестер обожал, катал их на спине и никогда на них не обижался. Как, впрочем, и они его любили, не делая разницы между ним, Дмитрием и Булатом.

Ну а когда Отелло в свои одиннадцать лет перегнал друга по весу и габаритам, Люссия только и смогла что печально констатировать:

– Теперь у нас вдруг стало... два старших сына. И обоих надо бить ежедневно палкой, чтобы они не подавали дурной пример маленьким сестрам.

Кэрри и Алла, к тому моменту страстно и ежечасно рвущиеся на свободу, во время ведущегося разговора сильно возмутились:

– Мы не маленькие! Нам двенадцать давно исполнилось! Дим в наши годы уже охотился на лессонгов и ловил голыми руками фистранов!

– Не смейте мне о таком даже заикаться! Вы будущие дамы, и вам не пристало вести себя так, словно вы грязные, бездомные лесники!

При этом Люссия старалась не встречаться с насмешливым взглядом мужа, ибо свято верила: рано или поздно они всей семьей обязательно вырвутся из Эфира и вернутся на Изнанку. А милые дочурки станут самыми красивыми и блистательными дамами обоих миров.

Потому родители учили детей постоянно. Где бы ни были и что бы ни делали. И если преподавали нечто новое в отсутствие кого-либо, заставляли детей потом при оказии повторять все пройденное пропустившему занятие. В итоге старшие дети уже могли считаться студентами, окончившими по парочке высших учебных заведений.

И к этому следовало еще раз подчеркнуть врожденное умение Дмитрия: он имел уникальный слух и еще более уникальную память. Например, текст он запоминал на всю жизнь, стоило ему только взглянуть на страницу. Причем неважно, что на странице было: сложнейшие математические формулы или кракозябры непонятного для него языка. Точно так же и нечто сказанное, насвистанное, спетое или крайне неразборчивое в бормотании – все это он запоминал и мог повторить хоть сразу, хоть через годы.

Естественно и безоговорочно, он по этой причине считался среди детей самым умным, образованным и начитанным. А потому в последнее время его голос уже признавали на семейном совете сопоставимым с голосом отца.

А вот слова матери в отношении Отелло тоже оказались пророческими. И она, и Семен относились к массивному приятелю своего первенца Дмитрия как к родному сыну. Причем сыну более честному, более искреннему и более послушному. Он хоть и не научился говорить (устройство гортани никак не удавалось изменить даже магически), зато ничего не мог скрыть. Врать не умел совершенно. Стоило его только поставить перед собой, смотреть ему в глаза и оперировать вопросами, на которые положено отвечать только «да» или «нет», и он признавался во всем.

Потому Дим и переживал, что приятель может неосторожно все «выболтать» матери. Потому они и крались к себе домой, словно в берлогу к парочке медведей. Может, и прокрались бы незаметно прямоком к отцу, да из обзорной щели их заметила Кэрри, стоящая на посту и сразу наябедничавшая матери:

– Опять эти двое что-то натворили, потому что от тебя прячутся.

Так что через сорок ударов сердца Люссия уже усаживала мохнатика перед собой, чтобы не смотреть на него снизу далеко вверх, и строго вопрошала:

– Ну и где вы были? Что-то сотворили без отцовского одобрения?

Отелло тяжело вздохнул и... покорно кивнул. Рядом с ним застонал расстроенный лохматик. Ведь объяснить матери полезность уничтожения семейства зéмерей и угрожающего хозяйству джонла многократно сложнее, чем все понимающему отцу.

Глава 3

Несправедливое наказание

Мать и в самом деле не поняла мотивов, подвигнувших друзей на совершенные действия. Хотя изначально она весьма хитро вытянула всю суть из наивного мохнатика, поддакивая ему и порой даже восторженно хлопая в ладоши. Она сумела бы разговорить и глухонемого, вот Отелло и старался. Увлечшись пересказом недавних подвигов, он рычал, свистел, ухал и стонал, пользуясь всеми имеющимися у него в арсенале звуками, а также жестами и всем телом, красочно воссоздавая элементы засады, боя, погони и уничтожения монстров.

В общем, раскололся полностью. За что тут же, не вставая с места, стал получать от рассерженной триясы по полной программе:

– Ну сколько раз я тебя просила? Сколько раз верила в твою рассудительность? И сколько раз ты мне обещал вести себя осмотрительно, не поддаваясь на провокации Дима? И не увлекайся его глупостями! Ведь обещал не идти у него на поводу! И всегда, всегда советоваться с отцом по любому вопросу, связанному с безопасностью!

Пес (сам Отелло себя тоже считал принадлежащим к расе разумных псов) виновато кивал, кося глазами на расстроенного друга. К нему пришло запоздалое раскаяние по поводу излишней «болтовни», и, чтобы хоть как-то реабилитироваться, он выставил вперед большой палец руки, стараясь придать себе вид уверенный и гордый:

– Не-е! Не-е! – мол, никакого риска, все было под контролем.

– М-да? А если бы ваша веревка из лиан оборвалась? А то и две? Если бы в верхнем месте крепления, пока вы где-то бегали, таракуши или кузнечики перегрызли бы лианы?

– Ма! Ну что ты? – не выдержал Дим. – Не было там никаких таракуш...

– А вдруг их принесло бы перламутровым туманом? Вы хоть догадались место крепления обильно посыпать толченым ядом?

– Ну-у... – скривился сын. Соврать он и не пытался.

– У-у-у, – в тон ему протянул его приятель.

– Понятно! – тон Люссии стал грозным, если не сказать – крайне угрожающим. – Вы ведете себя как малые дети, которых за порог выпускать нельзя! За подобную безалаберность и разгильдяйство вас надо оставлять под присмотром сестер, используя только на домашних работах и загружая учебой с головой! Не удивлюсь, если вы, прыгая по сукропадам, забыли таблицу умножения и правила хорошего тона!

– При чем здесь это? – досадовал Дмитрий. Ведущийся допрос вызывал у него крайнее раздражение, потому и вырвалось: – Мы старшие. Защитники. И сегодня поступили очень правильно, уничтожив на подходах к нашему дому опасных монстров. Только это и ценится. Так зачем вообще какие-то правила, если нам до окончания веков куковать в Эфире?

Сказал – и тут же пожалел об этом. Потому что подобные упоминания являлись в семье табу. Они невероятно сильно травмировали мать, продолжавшую жить верой, что выбраться отсюда все-таки можно.

Вот и сейчас ее словно заклинило. Тон ее стал совершенно сухим, приказным:

– Раз обезопасили подходы, займетесь благоустройством и безопасностью самого дома. Заложите вначале каменными стенами наружные выходы с пещер второго уровня. Затем прикроете щитами из бамбука все проемы третьего и четвертого уровней.

Отелло после прозвучавших наказов ухватился картинно лапами за голову и закачался всем телом, словно в страшном горе. И было отчего горевать: работы намечалось на добрые две недели, что для молодых сущностей выглядело убийственным. Прущие из них энергия, сила и жажда приключений не могли сочетаться с нудным, монотонным трудом.

Но если мохнатик и не подумал открыто противиться распоряжениям матери, то лохматик не собирался сдаваться так просто:

– Мама, потом будем решать, что и как делать по дому. Мне сейчас надо к отцу. Имеются странности, которые надо срочно оговорить именно с ним.

– А почему не со мной? – нахмурилась Люссия.

– Но ты же меня не захотела слушать. Тебе ведь были интересны картинки, передаваемые Чернем. Вот с ним и оговаривай...

Эти слова Дим произносил, уже покидая пещеру, считавшуюся вторым двором. Но в жилые помещения он не пошел, а сразу стал спускаться в мастерские, где в это время отец обычно работал со своими устройствами, станками, приспособлениями и артефактами.

Такое непослушание сына не столь разозлило мать, сколь озадачило. Она растерянно оглянулась по сторонам, заметила Кэрри и приказала ей:

– Найди Булата с Аллой и присматривай за ними! – Потом погладила по плечу Отелло и совсем тихо попросила: – А ты присмотри за младшими. Только не так, как сегодня за Димом. А я скоро вернусь...

И умчалась в мастерские.

Вообще-то считалось, что Семена во время его творческой работы беспокоить нельзя. Если надо кого в помощь, то он и сам позовет. И эти правила поддерживались всеми без исключения. Если было нечто срочное, то вниз спускалась обычно сама Люссия, умевшая успокоить супруга всего несколькими ласковыми словами. Остальным нарушителям обычно изрядно доставалось на орехи.

Ну а крайние, можно сказать, катастрофические случаи происходили довольно редко. Их можно пересчитать на пальцах двух рук. К примеру, прорывался к порогу дома опасный монстр. Или вдруг на массив пещеры устремлялся ядовитый поток тумана. Бывало, что и угрозы грядущего столкновения и впоследствии слипание массивов держали всю семью в напряжении целыми неделями.

Ну и самое страшное – это аварийные переезды. Они считались истинными трагедиями. Ибо нельзя было спасти все, накопленное и созданное невероятным трудом. В первые годы они случались довольно часто. Затем стали реже. В данной пещере проживали уже пять лет и нарадоваться не могли такому удачному выбору.

Да и опыт, сын ошибок трудных, сказывался. Например, от нежелательного столкновения или слипания массивов, пригодных для жилья не только семьи, но и обитающих внутри хищников, могли предохранить лишние потоки облаков из резиновой живицы. А те только и следовало нагнать в нужное место и в нужное время. Имелись и другие факторы, помогающие родному дому оставаться крайне обособленным от большинства опасностей Пятого.

Ну и сейчас Дим посчитал: наблюдения последней охоты того стоят, чтобы отвлечь отца от опытов, экспериментов или сотворения чего-либо.

– Эгей! Па! Ты где?! – начал он выкрикивать еще от прочной двери, сделанной из толстых бамбуковых стеблей. – Надо срочно поговорить!

– Здесь я! – понеслось в ответ из лаборатории с кучей ванн и небольших бассейнов. – Что там у вас стряслось?

Недовольным Семен в этот раз не выглядел, наоборот – был довольным. А это значило, что его затянувшиеся на года попытки вывести нормальную, по человеческим понятиям, рыбу близки к завершению. Потому что на досуге Загребной частенько мечтал: «Эх! Сейчас бы жареных карасиков! Или бычков в сметане!»

И встретил он сына восклицанием, полным восторженного оптимизма:

– Смотри! Эти ужи получаются по вкусу как настоящие угри. Вот попробуй кусочек копченого... А? Как оно?..

Дмитрий попробовал с задумчивым видом, но восторги отца разделять не спешил:

– Странный какой-то вкус... Никогда такого не ел...

– Точно! Ты, наверное, и от хлеба с маслом да с красной икорочкой плевался бы! – отец осуждающе помотал головой. – Привык есть то, на что я смотреть не могу.

Вот тут он, наверное, просто завидовал. Потому что старший сын и его дружок Отелло ели такие вещи, плоды, сгустки и запивали такой дрянью, что родители чуть в обморок не падали поначалу. А друзьям хоть бы хны, то ли их никакие яды не брали, то ли на уровне инстинктов понимали, что можно есть, когда и как.

Иначе говоря, здесь родившимся и выросшим Эфир явно давал нечто большее, чем пришедшим извне. Разве что дочек да младшего сына рьяно пытались оградить от угощений старших братьев, но получалось это не всегда и не так часто, как хотелось бы. Только пару дней назад застали двойняшек и Булата с восторгом поедающими цветки желтого сочника, страшного ядовитого растения. И на поднятый матерью крик дети с недоумением отвечали:

– Их еще целые сутки есть можно, пока внутреннее молочко не почернеет. И мы специально просили нам нарвать это лакомство. Оно ж такое редкое, раз в полгода только съедобное. Да вы сами попробуйте.

Родители заставить себя попробовать не могли, при всей своей силе воли. Потому что прекрасно видели за два дня до того, как гигантские гуси-котаги корчились в предсмертных судорогах, только понюхав пыльцу с этих цветов.

Так что бороться с этой бедой они устали давно. И не пробовали уже привить правильное восприятие вкуса. Только Люссия иногда плакала, наедине с мужем:

– Как они, бедненькие, будут привыкать к нормальной пище, когда мы вернемся на Изнанку?!

Верила, что вернутся. И другим запрещала в этом сомневаться.

И сейчас вот примчалась следом за сыном, не успел тот еще и рассказ начать о недавних приключениях, случившихся во время развлечения и охоты.

– Уже успел покаяться? – начала она с порога рыбной лаборатории. – И ты его за это копчеными деликатесами угощаешь?

– Не в коня корм, – грустно констатировал Семен. – Так, когда же я узнаю, что случилось-то?

За две минуты он получил сжатый доклад от супруги, с ее комментариями случившегося. Потом молча перевел взгляд на сына и минут пять выслушивал его наблюдения за монстрами, причины и следствия, а также окончательные выводы.

В итоге одобрительно хмыкнул и начал с похвал:

– Ну что ж, ребята молодцы и заслужили награду. Опасных и ретивых хищников от наших угодий отогнали, самых опасных – уничтожили. И сами при этом не пострадали. Но самое главное, теперь нам точно известно о некоторой разумности монстров. И учитывая это, придется во многом менять тактику и стратегию всей нашей обороны. Ну и охота довольно резко изменится в сторону перестраховки, уменьшения любого риска и устранения неуместной бравады. Хвалю!

Дим расслабленно выдохнул, расправил плечи и даже улыбнулся:

– Спасибо! Мы с Отелло старались! – но при этом не заметил, как грозно нахмурилась мать, уперев кулачки в бока и пристально уставившись на мужа. И тот наверняка дрогнул внутренне, хотя вроде не смотрел в сторону своей возлюбленной трясы.

– Но... – продолжил отец, – за то, что не приняли должные меры безопасности и не привлекли меня на подстраховку, придется вас наказать. – Поэтому... – он заметил все-таки, как пальчик демонессы ткнул в совершенную женскую грудь, и догадался не брать на себя тяжкую ношу прокурора. – Поэтому обращай к матери. Она что-нибудь придумает и определит меру, так сказать... Хе-хе! Да... И вообще! Не мешайте мне. Не видите, что работаю?

Топая на выход, Дмитрий тяжело вздыхал. Корячиться с возведением стен страшно не хотелось. А уж рубка бамбука и сборка из него щитов вообще не приличествовали бравым охотникам и знатным воинам. Тем более истинным рыцарям. С этим могли и сестры справиться... недели за две. Или за три...

Конечно, можно было бы проигнорировать распоряжение матери. Не одним, так другим важным делом отговориться. Самому, в крайнем случае, сестер заставить работать. Или уговорить... Или подкупить... «Тоже мне дамы выискались!»

Но!.. Про общественные формации Дим знал прекрасно, учили его тщательно и настойчиво. Он назубок знал, что и как творилось раньше в империях, о деяниях и свершениях его кровных братьев и сестры. Заранее любил Викторину, называемую отцом Мармеладкой. Восхищался умениями Федора управлять монструозными духами своей империи. Преклонялся перед охотничьими талантами Алексея Справедливого, млел перед рыцарскими законами империи Виктора Алпейци. И всегда упивался рассказами о том, как его родственники рано и быстро становились не просто самостоятельными, а великими и уникальными.

Естественно, что и себя оценивал как давно созревшего к полной самостоятельности. Если бы не царившие в семье порядки и не личный пример бесконечно почитаемого отца...

Семен, кстати, частенько поговаривал, откровенничая с сыном:

– Это мы вне дома охотники, рыцари, следопыты и покорители миров. А дома у нас – матриархат. Потому что именно мать создает этот дом и то, что внутри него. И мы в нем – уважающие законы гости. В самом лучшем случае – достойные доверия сожители.

– Ничего себе гость! – даже обидно как-то стало за главного строителя. – Если все сделано и построено твоими руками.

– Мелочи. Зато на плечах женщины еще больший труд по созданию уюта, ведению домашнего хозяйства и по воспитанию детей. Вот ты бы хотел обо всем этом печься постоянно?

– Чур меня, чур! – Дим великолепно пользовался всем арсеналом богатого русского языка. – Чем возиться с этими врединами и заумным оболтусом, я лучше буду рубкой бамбука заниматься.

Так что матриархат он признавал.

А потому и не стал более оспаривать доставшееся ему с другом наказание. Так они вдвоем и отправились на штрафные работы, переругиваясь на ходу:

– Ну и кто тебя за язык тянул во всем сознаваться?!

– Гы-ы! Ма!.. У-у-у... – что переводилось как «разве с ней поспоришь?».

– Трус! – полетело обвинение.

– Ты-ы! Ты-ы! – прозвучало в ответ четкое и адресное определение.

Друзья. Братья.

Глава 4

Черная дыра

Для вязки щитов из бамбука следовало вначале заготовить много материала. Вокруг дома тоже возвышалось много зарослей, но по вполне понятным причинам вести рубку в собственном палисаде считалось чуть ли не преступлением. Стратегический запас, наоборот, следовало постоянно приумножать и лелеять. Так что старались в противовес вырубкам принести молодые, крепкие побеги из дальних отлучек и посадить в наиболее удобном месте.

Вот и заготавливали материал на ином, ближайшем массиве. Коль тот был поблизости, естественно, и имел такое понятие на себе, как лес. Потому что не всегда случались такие удачные совпадения. Иначе давно все щели третьего уровня были бы забиты наглухо.

Но массив как раз и был вполне годным для промышленной вырубки. Приплыл недавно, влекомый туманными течениями и подталкиваемый грозowymi тучами, бьющими молниями постоянно. По словам отца, это способствовало реактивному движению многих прочных образований Пятого слоя Эфира, где тучи служили двигателем.

Заготавливать бамбук – не скорое дело, а хлопотная, тяжелая и пыльная работенка. Вначале следует нарубить подходящие, большие стволы, длиной не менее десяти метров. Затем вынести их из мелкого подлеска на открытое пространство. Там сделать две вязки, по полметра диаметром каждая. Связать обе, оставляя между ними расстояние достаточное, чтобы свободно просунуть головы. Потом, расположившись с двух сторон длинного сооружения, вскинуть эту немалую тяжесть на плечи, и вперед!

По мосткам, по буеракам, через реки и потоки, сквозь пески, марево и прочие напасти. Да плюс надо как-то по сторонам осматриваться, чтобы не угодить в пасти слишком прожорливых и всегда агрессивных хищников.

Но, как частенько любил повторять Семен, «...нет такого дела, с которым не справились бы большевики под руководством партии, при содействии научного гения и при здоровой инициативе народа!». А на дотошные вопросы детей «Кто это такие?» со смешком отвечал:

– Если искать аналогии в нашей семье, то большевики – это Дим с Отелло. Потому что они большие. Партия – это... – обычно хотел постучать себя по груди, но вовремя косился на тряску и покладисто заверял: – Ваша мама! Гениальные научные разработки – это уже моя епархия. Ну а народ – это мы все в совокупности.

Больше всех протестовали дочери:

– Почему тогда наша инициатива отвергается наглыми большевиками, авторитарной партией и вечно занятым ученым?

– Потому что народ – это гегемон. И может проявлять инициативу только в учебе, спорте и отдыхе.

Ну и друзья не выглядели счастливыми после таких определений:

– Что-то твои большевики очень похожи на рабов, – ворчал Дмитрий. – Или на тягловую скотину.

– Гы-ы! – тут же согласно кивал его приятель.

– Это потому, что вас мало, – философствовал отец с явной грустинкой. – Было бы вас больше, пять, шесть... или, там, восемьдесят шесть...

И спешил упрятаться в свои научные и ремесленные лаборатории от начинающей злиться «партии». Потому что пару раз она ему выкрикивала вслед:

– Вот сам и рожай своих большевиков!

Наверное, именно такие разговоры припомнил Отелло, когда приятели тянули в дом уже третью спарку стволов. Во время короткого отдыха он шумно выдохнул и разговорился:

– Бо – угу-ус. Бо-у!

– Ха! Быть большевиками дураков, кроме нас, больше нет! Да ты меньше отца слушай, с его философскими фантазиями.

– Rpp!.. У-у!

– Ну, роботы, конечно – в любом случае лучше. Мы бы с тобой развлекались, а они бы работали вместо нас. Только ведь они у императоров как телохранители, и всего по одной штуке. Вряд ли кто их отдал бы для переноски бревен. Да и вообще... как ни стараюсь, а вот представить себе ожившее железо никак не могу.

– Э-э?.. Гы!

– Естественно, что ты все можешь! – не удержался Дим от сарказма. – Вот ты прям вырос среди этих роботов! А то и сам их создать можешь.

– А-а-у... – с потешной мордой задумался мохнатик. Мол, почему бы и нет? – Же-ы! Э-э! – дескать, было бы только нужное железо под руками.

– Ладно, хорош хвастать! Поволокли дальше.

Дмитрий встал с валуна, на котором сидел, но так и замер на месте, заметив вскинутую лапу приятеля. Тот первым почувствовал или распознал опасность. Да и сам парень уже определил, откуда она исходила. Только вот понять, кто именно или что угрожало, оба пока не могли.

Метрах в сорока от них клубилось туманными испарениями болотце с перегнившей смесью травянистой сукровицы и загустевшего молочая. Неглубокое и небольшое, оно никак не могло скрывать в себе притаившегося хищника в виде безголовой черепахи или крокодильей камбалы. Еще и заросло оно почти сплошь двухметровой травяной осокой. Кстати, именно из этого растения после прессовки, промывки и усушки плелись изумительные по мягкости матрасы, используемые в доме для постелей.

Ну и обычно на осоке любили устраивать свои концерты местные кузнечики. Величиной с ладонь, истинные вредители по характеру и прожорливости, эти гигантские насекомые в то же время довольно неплохо наигрывали незатейливые, но вполне ритмичные мелодии своими опорными лапками. Рассаживались на вершинах травяной осоки и давали концерты.

А тут все дружно замолкли, а потом и вниз сиганули, стараясь нырнуть в болото как можно глубже. Вели они себя так крайне редко, потому что могли довольно шустро пролетать в прыжке расстояние в десяток-полтора метров, сами имели довольно зубастые пасти, ну и, самое главное, считались ядовитыми для подавляющего большинства хищников. Иначе говоря, боялись они только одного местного монстра, полосатого пятиметрового удава, по классификации относящегося к «кубикам». Назывался удав так по виду своей пасти, напоминающей куб, ел все, что влезало в его пасть и не превышало размерами глиняный кувшин.

Ко всему «кубик» довольно легко поддавался дрессуре, играл с людьми и мог бы считаться домашним животным, а то и жить в доме... если бы не отвращение к нему Люссии. Она сразу невзлюбила доброго червячка, как только десятилетний Дим и пятилетний Черня приволокли гада в дом первый раз и заявили, что червячок будет с ними жить, вылавливая в доме крыс, таракушей и наглых кузнечиков.

Но сейчас приятели нигде «кубика» не видели, а потому и замерли, не в силах понять, чего испугались зубастые вредители.

И только когда мощно хлопнуло, заскрежетало и осока стала проваливаться вниз, Дим сообразил, что именно происходит:

– Черная дыра! – и тут же постарался вместе с приятелем отскочить от опасного места еще метров на пятьдесят.

Довольно редкое явление в Пятом, названное так Семеном по причине до сих пор не разгаданной сущности. Черная дыра предвещала свое появление сосущим звуком и последующим скрежетом. Потом раскрывалась черная воронка метров десяти, максимум двадцати в

диаметре и втягивала в себя все, что попадалось. Могла уволочь в неизвестность скалу, часть опор-сталагмитов, яму с зыбучими песками, несколько любых крупных чудовищ, стадо мелких, болото, озеро, кусок леса, рощи или кустарника и *et setera, et setera, et setera...*

Разве что массивы вроде как не крошила, да и внутри пещер никогда не шалила. А после того как забирала, кое-что приносила взамен перед своим схлопыванием. Не соответственно весу или объему отдавала взятое, и не всегда, а так, словно кидая жалкую подачку-издевательство из иных миров. То ствол громадного дерева подбросит, то совершенно неуместный в Эфире срез древнего ракушечника с останками троглодитов, то монолитную глыбу гранита, которая как совсем чужеродное тело начинает проваливаться в жидкие слои и мягкие подуровни Пятого.

Ни разу никому лично видеть не доводилось, но скорей всего и живые существа из иных миров забрасывались сюда именно в процессе деятельности черной дыры. Причем некоторые из них выживали и потом вводили в ступор своим существованием любого из семейства. Тот же пример с Отелло, находящимся сейчас возле своего друга и спасителя, говорил о многом.

То есть благодаря факту существования черных дыр появлялось несколько гипотез и предположений.

Основной вывод многолетних наблюдений и поисков казался неоспоримым: перемещение неживого и живого вещества в обе стороны инициируется из иных, причем разных миров. Слишком уж кардинально между собой отличались предметы, структурные участки и виды существ. Если и можно было что-то идентифицировать как посылку с Изнанки, то не более трети всех случаев.

Но что или кто создает черные дыры? Шабены иных миров, пытающиеся нечто достать из Пятого слоя Эфира, или имеют место чисто природные аномалии?

Чем выше у шабена уровень владения магией, тем глубже в Эфир он может проникнуть своими манипуляторами силы. Тот же Семен мог на пике своего могущества доставать живых существ и важные ингредиенты из второго и даже третьего уровня. Его сын Федор, будучи императором Иллюзий, вытаскивал чудищ из четвертого уровня. Правда, делал он это с помощью древних духов, помогающих ему править империей.

Некие бессмертные маги умели доставать монстров Пятого и более высоких уровней, после чего вводили свои трофеи в стазис вечного сохранения или заставляли выполнять охранные функции на особо важных объектах. Те же земерь и джонл встречались на Изнанке, и не раз семейству Семена приходилось с ними сражаться во время становления империй. Правда, там считалось, что земерей вырывают из третьего эфирного слоя, и оттуда же они черпают свои силы для существования в реальном мире. Но в здешних условиях это ничего не значило.

Учитывая все вышесказанное, делались дальнейшие выводы. А именно: черные дыры в Пятом слое возникают во время магических попыток достать из Эфира нечто нужное. Но тогда спрашивается, зачем кому-то неуместный кусок скалы? Или груда песка? Или гнилое болото с осокой? И почему после «забора» вещества прилетает в ответ нечто совсем несуразное?

Значит, все-таки и спонтанные аномалии имели место в мироздании? И создавались они чисто случайно?

Одни вопросы, и ничего, кроме предположений, в ответ. Вот если бы черная дыра появлялась в каком-нибудь определенном месте да в строго определенное время, можно было бы наблюдать, замерять, исследовать и на основе собранной статистики уже делать более конкретные выводы. А так... Люссия видела подобное два раза, Семен около десятка, да вот два приятеля умудрились уже двенадцатый раз оказаться в непосредственной близости от несомненной опасности. Ведь если засосет в черноту вместе с куском здешнего Эфира, смерть скорей всего неминуема. Как бы...

Ибо Дим пытался на эту тему фантазировать во время диспутов с отцом:

– Что будет, если броситься в черную дыру специально? Наверняка ведь удастся попасть либо в другой мир, либо в лабораторию какого-нибудь великого шабена.

– Шабены бывают разные. Миры иные – вообще могут оказаться гибельными для нас. Ну и только полный недоумок прыгнет в нечто смертельное, не имея стопроцентной гарантии на выживание.

– Но если это будет только единственный путь на Изнанку?

– Путей много, и наша задача отыскать самый верный и безопасный.

– Ага! И мы его будем искать до моей глубокой старости? – досадовал парень.

– Ну зачем так мрачно? – посмеивался отец. – Наши умения растут год от года, я уже могу оперировать достаточно уверенно, вынимая вещества из четвертого и шестого уровней. Шажок остался до третьего и седьмого. А потом сосредоточусь только на втором и первом. Эх! Если бы к нам навстречу кто-то из твоих братьев пробивался... Или сестра, владычица Зари...

Об этом Семен жалел часто. Знай императоры Изнанки, где сейчас находится их отец, вырваться с Пятого было бы не в пример проще. Тот же Федор, имеющий в подчинении древних духов, мог попросту поискать своего родственника в Эфире, знай он, где тот находится. Да и суммарные усилия принесли бы пользу. Но, увы, скорей всего оставшиеся в нормальном мире дети были уверены в гибели Загребного и его супруги, демонессы Люссии. А если и вспоминали о Пятом слое Эфира, то лишь как о пристанище душ мертвых.

Так что Семену и оставалось рассчитывать только на себя. Магические силы исчезли, приходилось их медленно, жутко медленно накапливать, возвращать заново. Ментальная связь с детьми вообще перестала действовать. Даже с родившимися уже здесь Семен не мог выйти на контакт эмоциями, как ни старался. Ну и постоянная опасность вокруг, ежечасный риск и бытовые проблемы выживания – никак не способствовали кропотливому научному поиску.

Вот и шли год за годом.

Вот и не было пока ни единого шанса вернуться в мир людей и демонов.

Но сам Дмитрий, ничего не говоря даже лучшему своему другу, был готов рискнуть. Только вот не глупо и безрассудно, а хоть как-то предварительно «подстелив соломки» на место возможного падения. Он рассуждал так: «Если это шабены создают такое перемещение сквозь пространство, то следует им обязательно передать вначале весточку от нас. Для этого надо постоянно носить эту весточку с собой. И в ином мире умный и великий колдун (а слабые и неграмотные до Пятого уровня никак не дотянутся!) сумеет прочесть мое послание даже на незнакомом ему языке».

Вот он и носил при себе давно заготовленный пакет, тщательно замотанный в ничем не разъедаемый, непромокаемый желудок одного из хищников. Да плюс ко всему прочно зажатый между двумя стальными пластинками. Пластинки он отыскал у отца под верстаком, в мастерской, выброшенные туда по причине неравномерной проковки.

И когда в двенадцатый раз ему повезло встретиться с черной дырой, был готов отправить послание гипотетическому союзнику. Вначале, как и полагалось, отбежал на нужное расстояние. Дождался, пока дыра заработает на максимальную силу и стабилизируется. В этот раз она оказалась громадная, чуточку за двадцать метров в диаметре. И когда невесть куда провалилось все болото с осокой и с зарывшимися в нее кузнечиками, Дим спринтерским рывком устремился к цели.

Чернь вначале не понял его действий. Через несколько ударов сердца замычал что-то вопросительное. Потом сразу перешел на возмущенно-истерическое рычание. Видимо, решил, что друг таким образом, рискуя собой и прыгая в черную дыру, хочет вырваться из Эфира. Все-таки мохнатик был довольно умным и сообразительным существом. Так что еще через несколько мгновений он бросился нагонять приятеля гигантскими скачками.

Но Дим неожиданно затормозил возле спарки из бамбука и стал орудовать ножом. Рассек связующие лианы, обрывком привязал к концу ствола вытащенный из внутренних карманов

пакет, и уже с такой вот получившейся удочкой стал уверенно приближаться к скрежещущей опасности.

– Э-э?! – уже не столько возмущенно, сколько заинтригованно реагировал Чернявый.

– Надо отправить это послание! – сообщил Дмитрий, даже не глядя в сторону товарища. – В нем я описал, кто мы, где находимся и в какой помощи нуждаемся.

– Угу-ус?

– Нет, отец не знает, это я сам придумал...

– Ма... Гы-ы?

– Да хватит тебе на всех оглядываться и спрашивать разрешения! – говоря это, Дим уже просунул конец своей удочки в черное море метра на три и сосредоточенно двигал им в разные стороны. – Что мы, на каждый чих должны согласовки устраивать? Порой надо и самим некоторую полезную инициативу проявлять...

Товарищ выглядел не на шутку встревоженным, но больше перечить или предупреждать не стал. Зато по сторонам стал осматриваться с удвоенным вниманием. Ведь самые большие монстры ничего не боялись, могли и возле черной дыры устроить себе плотный ужин.

Тогда как из мрачной черноты вдруг последовала определенная реакция. Раздался щелчок, грохот и страшный скрежет. И тут же довольно цепко удерживаемое удилище вдруг с другой стороны, из темноты нечто дернуло с нечеловеческой силой.

Глава 5

Янтарная свадьба

Очередной раз в истории Изнанки все четыре императора съехались вместе. И Хаюкави, столица Королевства Колючих Роз и всей империи Иллюзий, подходила для этого памятного события лучше всего. Потому что не было в мире комплекса зданий более величественных, более огромных и более чарующих своими внешними великолепными формами и гармоничными стилями.

Хотя как раз формы и стили обычному человеку или демону никак не казались великолепными или гармоничными. Если он смотрел на императорский дворец впервые, то попросту тупо замирал на месте, не в силах охватить, рассмотреть, восхититься или осмыслить. Такого попросту нигде не было, такое являлось не подвластно рукам даже самых гениальных строителей. Минусовые уклоны; нависающие над бездной массивы выступов с жилыми этажами; невиданные колонны и причудливо изогнутые арки; клиновидные разрезы, казалось бы, монолитных несущих стен; некоторые части зданий и башни сделаны целиком из стекла. И все это из яркого по цвету, контрастного камня, поблескивающей нержавеющей стали и стекла самых невероятных гамм и оттенков. Мало того, на стенах, фронтонах и выступах громоздилось немыслимое по формам и воплощению количество скульптур. В камне и мраморе увековечились все: люди, демоны, рыцари, шабены, короли, дети, ангелы, монстры, пегасы, химеры, любые животные и невиданные птицы.

Впору было ошалеть от увиденного и забыть про все на свете. И лишь после долгого ступора или при помощи сопровождающих наблюдатель приходил в себя и вспоминал:

«Да ведь все это строили подвластные императору духи! И хоть виден дворец на обеих сторонах Изнанки, но как людям, так и демонам он наверняка чужд...»

Но зато тот, кто видел комплекс много раз и имел счастье побывать неоднократно внутри, настолько привыкал к диковинной архитектуре и настолько упивался внутренними удобствами, что навсегда становился ярым приверженцем такой вот красоты. И хоть среди ночи его разбуди да поинтересуйся мнением насчет дворца, он без секундного раздумья ответил бы:

– Нет здания краше и величественнее! И не будет!

И трудно было с ним не согласиться. Двадцать лет назад, когда основные три здания только возводились, сама стройка велась с такой скоростью, что пыль стояла столбами. Эти столбы можно было сравнить с вулканическими. Но когда основное жилье для императора и его свиты построили и отделали, духи не ушли в глубокие подземелья, а продолжили строительство. Но уже не спеша, не слишком заметно для жителей столицы и согласовывая каждую деталь возводимого комплекса с императором и с его приближенными.

По утверждениям главных прорабов и мастеров, которые и выходили на контакт со своим повелителем, стройка продлится еще столько же, растянувшись в общем лет на сорок. Но именно столько времени понадобится уникальным духам-строителям, чтобы возвести обитель, достойную его императорского величества. Конечно, могли ударными темпами и за год все завершить, но зачем? И так треть всех помещений пустует, ибо для их заселения банально не хватает придворных. И это при том, что у Федора двор раза в два больше, чем у всех остальных императоров, вместе взятых.

Именно этому количеству придворных и поразились братья с сестрой во время торжественной церемониальной их встречи.

– Мапочки родные! – не раскрывая рта и продолжая улыбаться, восклицал Алексей Справедливый. – Где ты их столько набрал?!

– И как ты всю эту свору умудряешься прокормить? – выглядела ошеломленной Виктория, владычица империи Зари. – Или твои подданные отдают все налогами, а сами умирают с голоду?

– И как эта свора между собой не перегрызлась? – недоумевал Виктор Алпейци, создатель рыцарской империи. – Да и не только между собой! Они ведь и тебя покусать могут! Они же жить без заговоров и переворотов не могут! Отправь их срочно воевать, иначе потом поздно будет.

– С кем воевать? – посмеивался Федор, величественно помахивая рукой восторженно ревушим подданным.

– Да хоть с моими рыцарями! Завтра договоримся о деталях, а послезавтра, перед отъездом объявим о войне. И мои ребята застоялись, дурью маются, шатаясь по белу свету, и твоим павлинам не мешало бы зубы выбить, да кое-кому для остротки руки-ноги поломать.

– Экий ты, братец, резкий! – хохотнул Алексей.

И сестра его поддержала в шутке:

– Повод какой для войны придумаете?

– Так все по твоей вине и случится! – заявил нагло Виктор, тут же доверительно наклонился к нахмурившейся сразу Виктории. Еще и угрозы в голос прибавил: – Потому что обещание не выполнила! Куда изначально своих детей отправлять на каникулы договаривались? Ко мне! А почему они здесь собираются еще на две недели остаться?!

– Потому что ты злой варвар! – надула губки императрица. – Заставляешь моих детей махать мечами и таскать на себе тяжеленные латы!

– Ах вот оно как?!

– Да! Вот так!

– Тогда и тебе войну объявит... наш доблестный брат Алексей. Ибо некому больше заступиться за самого младшего, слабенького братика...

После такой искренней жалобы, несмотря на торжественность события, рассмеялись все четверо. Ибо младший из трех братьев вдвое был шире каждого в плечах и как минимум на полголовы выше. А в своих парадных рыцарских доспехах да в открытом шлеме с султаном перьев выглядел еще массивнее и величественней.

Все это происходило на выдвинутой над площадью террасе, откуда обычно и показывался народу глава империи Иллюзий. Внизу бушевало счастливое море подданных, на соседних террасах, балконах и выступах млело от восторга не меньшее море придворных. Ну а рядом с четверкой императоров стояли их родные, близкие, соратники и самые верные сторонники. Большинство из них прекрасно слышали ведущийся разговор, старались сдерживать смешки, но вставить свои реплики не осмеливались. Слишком уж священными считались подобные встречи, когда три брата и сестра собирались вместе на какое-нибудь семейное торжество или не менее грандиозное для всей Изнанки политическое событие.

Императрица Виктория, владычица Зари. Ее старший сын Семен, от первого брака, остался дома. Как первому наследнику престола ему надлежало управлять империей и решать не совсем приятные временные проблемы. Хотя поехать к дяде очень мечтал и рвался. Но не сложилось. Зато младшие дети Виктории были все возле матери, три сына и две дочери. Почти все погодки, старшему семнадцать, младшему из этой дружной пятерки – двенадцать лет. Рядом с ними их отец, консорт, нынешний супруг Виктории. Молодцеватый, подтянутый и довольно симпатичный мужчина. Тоже знаменитая, неодиозная личность.

Хотя мало кто помнил, что Зиновий Карралеро двадцать лет назад был инвалидом, недорослем. Пусть и графом, с потомственным чином обладателя самых значимых крепостей королевства. Да и вообще, со своим другом, Алексеем с Земли, он познакомился в тюрьме, подружился во время побега и окончательно стал наиболее верным и последовательным соратником

во время становления землянина на вершине королевской власти, а потом и образования империи.

Но вот пока его подлечили, пока он набирал рост и должную мужскую статью, произошла личная трагедия у Виктории. Бестелесный демон Сапфирное Сияние ради войны и уничтожения всех людей на континенте похитил ее мужа, императора Теодоро, и первенца, тогда еще годовалого Семена. Ценой своей жизни Семен Загребной и тряса Люссия усыпили демона на три тысячи лет, и на континент вернулись мир и спокойствие. Но спасти из плена удалось только ребенка, император Теодоро оказался убит. Грандиозные похороны. Почти годовой траур безутешной супруги. Небывалые заботы на плечах сильной, но все-таки женщины. И пришедшееся на момент прощальной церемонии первое знакомство только начавшего подрастать Карралеро и крайне опечаленной императрицы.

Казалось бы, что может быть общего у таких разных людей – из разных миров и с разным воспитанием? Ну разве что обожание Алексея, как друга или как родного брата. Да и сам Зиновий во время кратковременных первых встреч никакой влюбленности или плотской тяги к молодой вдове не испытывал. Ему всего лишь хотелось успокоить Викторию, немного ее развеселить, разгладить морщинки у нее на лбу и хоть несколькими верными советами помочь в делах житейских. А так как он человеком всегда был веселым, заводным, чрезвычайно активным, с искрометным юмором, то его появление мгновенно поднимало настроение окружающим. К этому следовало добавить, что граф всю свою юность провел в среде кочующих комедиантов, и уровень его актерского мастерства был сравним с уровнем наиболее известных актеров.

А уж как он любил играть с маленьким Семой – это вообще отдельная песня. Малыш его полюбил сразу и никогда не забывал до следующей встречи. Что они вдвоем только не вытворяли! Точнее, втроем: им помогал в безобразиях еще и воплотник, разумный зверь, который умел смещаться на любую из ипостасей Изнанки. Так что, когда эта троица начинала переворачивать дворец с ног на голову, императрица была вынуждена бросать все государственные дела и лично присматривать за дебоширами. Будучи к тому времени шабеном семьдесят четвертого уровня, только она и могла навести хоть какой-то порядок. При этом ей волей-неволей приходилось и самой участвовать в играх и развлечениях. Постепенно втянулась, расслабилась, а там и сама не заметила, что регулярные приезды Карралеро, к тому времени уже имеющего герцогский титул, стали для нее настоящим праздником.

Ну и к концу второго года таких «наездов» случилась весьма забавная основополагающая сценка в их отношениях. При очередной забаве с воплощиком «Кто кого перетолкает!» зверь вместе с радостно хохочущим малышом резко сместился в демоническую реальность, а молодые люди завалились на пол, на вполне мягкие ковры. При этом Виктория оказалась сверху на Зиновии и вдруг с веселым ужасом осознала: «Да он уже выше и сильнее меня! И он... он мужчина!»

А тот самый мужчина, оказавшись под роскошным женским телом, вдруг поцеловал императрицу в губки коротким поцелуем и чуть не потерял сознание от суммарного удовольствия. У него сперло дыхание, помутился рассудок, и стали закатываться глаза при общей, резкой бледности.

– Тебе плохо?! – обеспокоилась Виктория.

– Очень... – просипел задыхающийся герцог, – ...хорошо! А вот если ты встанешь, то я сразу умру.

За что получил игривый шлепок по губам и порцию взбадривающего лечения.

Но первый шаг к телесному сближению был сделан. Хотя еще полгода парочке удавалось скрывать почти от всех свои разгорающиеся чувства. Потом сыграли свадьбу, от роскоши которой содрогнулся континент и на которой напившийся в зюю Алексей Справедливый укорял своего боевого побратима:

– Эх ты! Я тебя в Зарю отправлял для утешения сестры, а ты!..

– Так я и утешил, – недоумевал молодожен, тоже плохо ворочающий языком. – Вроде все довольны...

– Да?! А мне кто будет помогать империю на ноги ставить?.. Предатель!

– Ну так... Викусе тоже трудно, – возражал Зиновий, не обращая малейшего внимания на совсем не лестное обвинение в предательстве. – Ей моя помощь нужней. А ты и сам справишься. И жена у тебя есть, а твоя сестра тут одна мучится...

– Ага! Теперь вы вдвоем намучитесь... Но, если что, смотри у меня! – И здоровенный кулак замаячил перед окосевшими глазками жениха. – Обидишь хоть словом!...

Примерно такие же угрозы прозвучали, хоть и в разной форме, от Федора и Виктора. Хотя император рыцарей высказался наиболее брутально:

– Обидишь сестру хоть словом, лучше сам себе харакири сделай, до моего приезда!

Может, и обижал потом, в семье всякое бывает, даже в той, где сильно любят друг друга. Но владычица Зари ни разу не пожаловалась. А вот детей стала рожать регулярно, почти раз в год. Только после пятого совместного ребенка (а для императрицы уже шестого) супруги решили остановиться на поприще продления рода. Да и родственники поражались:

– Куда вам столько наследников и наследниц?

Хотя и сами в этом плане не бездельничали.

Алексей Справедливый. Пожалуй, в его империи Справедливости тоже хватало сложностей, заговоров и пертурбаций. То неурожай, то некоторые провинции взбунтуются, то еще какое-нибудь стихийное бедствие. Не говоря уже о постоянном расширении империи во все стороны, укреплении, единении и прочая, прочая, прочая...

С соратниками землянину повезло. Несмотря на «предательство» Зиновия, вокруг него оставалась сплоченная и дружная команда верных аристократов, ученых, шабенов и просто энтузиастов технического прогресса. Наверное, поэтому общий технический прогресс в королевстве Мрака (центральное гособразование со столицей Зонт) хоть чуть-чуть, но опережало все иные регионы континента.

Не слишком досаждали своими претензиями и вассальные короли, князи, царьки и прочие подданные империи. Вернее, досаждали порой сильно, но критическую черту не переходили.

Ну и самое главное, у старшего в квартете брата, в семейном плане все сложилось идеально. И теща его обожала, и жена Гали в меру боготворила. Почему в меру?

– А чтобы не зазнавался! – любила она повторять, грозно тыча указательным пальчиком в смеющегося мужа. – Иначе почувствует волю, наберет себе гарем наложниц, и мне придется научиться стрелять из лука. Ибо ножом я сама скорей порежусь, чем накажу кого-то...

Потому что Алексей частенько и весьма страстно изображал интерес к самым симпатичным дамам из своего окружения или из состава гостей. Но не больше. В его верность императрица верила, а пикировки устраивала на эту тему, чтобы имелся хоть некоторый повод для семейной ругани. Перчинка в отношениях никогда не повредит.

Деток у них было трое. Две принцессы восемнадцати и шестнадцати лет и бесенок принц тринадцати лет от роду. Они тоже прибыли на празднование двадцатилетия свадьбы своего дяди Федора.

Пожалуй, и все про Алексея, если не вдаваться в политические и технологические особенности всей его империи.

А вот императору Иллюзий скучать не приходилось. И не потому, что его главными министрами, казначеями, бухгалтерами и прокурорами были разумные чудовища, живущие скорей всего вечно. И не потому, что подданные его империи сходились в кровавых сечах часто и порой без всякого повода. Да и найденные в глубоких подземельях механизмы древ-

них цивилизаций, вернее сам процесс их восстановления и реставрации, забирали у Федора довольно мало времени. Отчего он, кстати, всегда и сильно огорчался.

Больше всего хлопот ему доставляли жена и дети. Сам выбор супруги двадцать лет назад был достоин нескольких томов увлекательнейшего детектива. Потому что баронета Коку Мелиет оказалась истинным демоном коварства, образцом настойчивости и примером крайней неразборчивости в средствах.

Бывшая возлюбленная Федора на то время оказалась отстранена от императорского тела по многочисленным причинам. Попросту ей было оказано определенное недоверие после многих подстав, обманов и весьма артистичных афер. Но от двора ее не отстранили, еще и должность дали главы специально созданного департамента культуры. Вот Коку там и развернулась на зависть всем злопыхателям и скептикам.

Затем духи объявили императору о предстоящей женитьбе и десяти заданиях для подданных. Кто эти задания выполнит первым или лучше всех, становился обладателем права выдвинуть кого-либо в невесты. Далее сам император выбирал, но попасть в десятку советников всем казалось престижней и желанней самой жизни. Вот все и старались выполнить задание, а Мелиет (как и всем остальным дамам империи) досталось отыскать книгу «Пробой Эфира». Только вот никто не знал, кроме духов и самого императора, что такой книги не существует вообще. Иначе говоря, «сватов-советников» намечалось изначально только девять человек.

Но вот дальше пошли чудеса. Пока Федор отлучался на войну с Сапфирным Сиянием, во время которой погибли отец и возлюбленная отца, трияса, вся его империя Иллюзий стояла на ушах в поиске несуществующей книги. Вся, потому что половине жителей было дано одинаковое задание. Точнее – женщинам. Ну а уж те постарались, чтобы все их мужья, братья и отцы тоже практически не спали, присоединившись к поискам.

Гибель-исчезновение Семена Загребного, который, по всеобщему мнению, сгорел в сапфирном пламени, вызвала пятидневный траур по всему континенту. Но вернувшемуся в Хаюкави Федору духи не дали и часа на какое-то уединение, тоску или оплакивание. Сразу потребовали приема кандидатов, которые выполнили задание. Причем аргументировали требование вполне логично:

– Это же пока не свадьба и даже не помолвка, а только прием экзаменов. Затем отобранные кандидаты через десять дней предоставят невест. Еще десять дней тебе дается на выбор среди них самой прекрасной. После чего скромная помолвка. И только через месяц после помолвки – свадьба. Все правила и традиции по соблюдению траура окажутся соблюдены.

Как владыка Иллюзий ни морщился, пришлось уступить. Начались встречи и беседы с каждым из брачных консультантов. И вот тогда, когда девятый уже попрощался с императором и, кланяясь, пытаясь к двери, главный церемониймейстер объявил:

– Кандидат номер десять!

– Как это?! – поразился император, ошеломленно уставившись на своих ужасных обликом помощников. – Вы же утверждали, что задание невыполнимо!

– А что делать? – развели клешнями, жвалами, лапами и усами погрустневшие духи. – Оказалось, что и наши знания, – это не последняя инстанция. Нашлась книга под названием «Пробой Эфира»...

– Хорошо. Раз уж так, – вздохнул владыка, опять плюхаясь задом на широкий трон, – пускай входит счастливчик... Или это «она»?

– Ваше императорское величество – непревзойденный оракул! – с этими словами в малый зал приемов ворвалась энергичная Коку с солидным фолиантом под мышкой. – Конечно, «она»! Потому что никакой «он» не справился бы с этим непосильным заданием! Вот! Смотрите!

Принимая книгу, Федор успел отметить, что выглядит глава департамента культуры великолепно, одета по новой моде, которая только начала вводиться землянами, и держится с несомненным достоинством.

Ну и пока просматривал книгу, перелистывая страницы, услышал вполне тихое:

– От всей души сочувствую по поводу пропажи твоего отца. Великий человек, Изнанка без него осиротела...

Кивнул на это, не в силах толком вчитаться в расплывающиеся строки, поэтому с раздражением поинтересовался у духов:

– И что здесь верно, а что вымысел?

– Сложно сказать однозначно, – пустился в объяснения здоровенный паук с клешнями, специализирующийся на изучении Эфира. – Если принимать как данность, что нас самих кто-то достал из какого-нибудь слоя и при этом дал ясный разум, все постулаты книги имеют право на существование. Только вот проверить их, как и провести большой пробой в нужное место, имеет шансы только шабен не ниже девяносто девятого уровня. У вас такого подданного вроде как нет. Так что придется ждать, пока кто-нибудь не дорастет.

К тому времени Федор достиг семьдесят первого уровня, чуть добрав во время пребывания в долине Свияти, ну и вполне надеялся на свое дальнейшее развитие как шабена.

Но здесь, глядя на сложные формулы и вчитываясь в сонмы сопровождающих пробой ингредиентов, никак не мог охватить единым взглядом весь процесс проникновения в Эфир. Поэтому стал просто внимательно рассматривать саму книгу, пытаясь понять ее возраст. Это и вызвало у него наибольшие подозрения.

– Вроде как старая, по внешнему виду, – обратился он к духу, знатоку библиотечного дела. – Но букровки и чертежи как все четко прорисованы... Почему так?

– Пергамент старый, как и сама книга, – без всяких эмоций проскрипел высокий и нескладный богомол. – Но прежние записи уже не поддавались реставрации, поэтому и самые малые остатки были почищены для нового текста.

– Не понял? Получается, что текст написан совсем недавно?

– Ваше императорское величество догадалось с первого раза, – польстил не совсем тонко библиотекарь. – Баронета Мелиет все эти дни, собрав наиболее маститых ученых и видных шабенов, перевернув все архивы и отыскав малейшие упоминания на эту тему, написала должную книгу с похвальным профессионализмом и знанием сути вопроса. Потому задание ей и засчитывается как выполненное.

Федор уставился на раскрасневшуюся от удовольствия и диво как похорошевшую Коку:

– Вот оно как?.. И что, никто больше не догадался сделать точно так же?

– Никто.

– Да-а... И я уже догадываюсь, кого эта «сваха» предоставит мне кандидаткой в жены...

Глава департамента культуры игриво поправила непослушный локон:

– А чем, в сущности, я тебе не подхожу в супруги?

– Чем?! – и сидящий на троне владыка Иллюзий принялся загибать пальцы на ладони: – Воровка, аферистка, обманщица, рабовладелица, садистка и так далее и тому подобное...

– Зато красавица, нежная, добрая и без ума в тебя влюбленная! – добавила себе позитивных характеристик «сваха». – И всегда тебе помогу лучше всех справиться с внутренними и внешними недоброжелателями. И детей нарожаю много-много. Хоть двадцать! У нас в роду все женщины отличаются наследственным здоровьем.

Федор вдруг вспомнил свое детство – как он с братьями и с сестрой могли во время игрощ своих весь дом перевернуть вверх ногами. Вспомнил и неожиданно хохотнул:

– Двадцать?! Да они этот дворец по кирпичику развалят!

Восклицание озадачило, если не напугало всех духов из окружения императора. Они с недовольством зароптали, зацокали копытцами, защелкали клешнями и заскрипели жвалами.

По их мнению, даже шутить на подобную тему казалось кощунственным. Ведь не для того строился и еще долго будет улучшаться невиданный комплекс зданий.

– Ну ладно, – тут же покладисто согласилась Коку. – Нет так нет. Пусть будет только девятнадцать.

Нельзя сказать, что ее слова оказались пророческими. Да и последующие сражения фаворитки «за место под солнцем» еще долго с особым восторгом и упоением пересказывали странствующие менестрели по всему миру. Она своими действиями, настойчивостью и умениями попраала все мыслимые и немыслимые правила, законы и традиции империи Иллюзий. Например, добилась того, что еще трое (помимо ее самой) брачных консультантов выставили своей кандидатурой баронету Мелиет. А уж как она по отдельности уговаривала своих коллег по сватовству и что обещала в будущем – отдельная симфония, поразившая даже все выдавших духов.

Против такого единодушного большинства Федор возражать не стал. Только и узнал у архивариуса, возможна ли отставка императрицы в случае неких осложнений в отношении с ней. Оказалось, что возможна, но только по истечении пятнадцати лет. Да и до того можно было заставить жить супругу в отдельном, специально выстроенном для нее дворце.

– Ладно, тогда женюсь на Коку! – расслабился император, собравшийся жить не менее двух сотен лет. – Уж пятнадцать лет я в любом случае выдержу.

Выдержал. Даже больше. Ибо завтра намечалось триумфально отпраздновать двадцатилетие со дня свадьбы, особо почитаемый срок отношений в империи. Что безмерно поражало всех людей и демонов Изнанки. Потому что, по всеобщему признанию, императрица оказалась «та еще стерва». Своим вздорным характером и умением довести до инфаркта она выжила из числа придворных всех, кто имел неосторожность не сойтись с ней во мнениях или как-то в чем-то оспорить, покритиковать уже совершенное действие. Да и многие иностранные послы навсегда забыли дорогу в Хаюкави после разногласий с первой дамой Иллюзий.

И опять же, все без исключения как бы знали о причинах такой стервозности. Потому что бывшая баронета выполнила свое обещание и рожала практически каждый год. Причем однажды родила тройню и три раза – двойню. В итоге за двенадцать первых лет супружества она родила Федору шестнадцать детей!

И все подвижные, шустрые, здоровей не бывает. Про таких говорят «Огонь девка!» или «У парня шило в одном месте!»

Первому сыну уже исполнилось девятнадцать. Самой младшенькой из последних трех подряд девочек – восемь. Дворец до сих пор не развалился от их забав и опасных игр, конечно же, но его изрядно и частенько потряхивало. Да и стоял он благодаря бдительности и усердию сонма строительных духов, которые моментально заделывали малейшую трещинку в стенах вокруг хлопающих дверей, закрашивали пятнышко от брызнувшего на потолок шампанского или устраняли пятнышко ржавчины на окантовочном металле, куда попадали раскаленные головки неотрежиссированных салютов.

Мало кто знал, но как раз именно дети являлись не раз и не два той причиной, по которой императрицу могли отправить в почетную ссылку. Потому что Федор каждый раз вздрагивал и покрывался потом от звучащей доверительно фразы:

– Милый, спешу тебя обрадовать, я опять беременна.

– Когда?! – орал он, не в силах скрыть бешеную радость. – Когда ты успела?! Мы ведь предохранялись!

– Я не виновата, – пускала слезинку прекрасная Мелиет. – Потому что залетаю только от одного вида твоего обнаженного... тела.

Бороться с такими «залетами» стали уже после четвертых родов. Но все оказывалось безрезультатно. Не помогали все известные магические контрацептивы. Аллегорически выражаясь, хватало обычного сквозняка между спальнями супругов. Это вызвало вполне логичное

недоверие именно в своем отцовстве. Но самые бесстрастные и подкованные в медицине духи всегда доказывали своему владыке: рогов нет, спи спокойно.

Наивные! Как тут уснешь, когда вокруг такое творится? А для успокоения лучше всего помогал секс, император поддавался на ласки своей избранницы и... Потом опять бурно радовался, чуть ли не заламывая руки и кусая локти.

И только когда Федор добрался до восьмидесятого уровня, то благодаря одному из новых умений сумел временно отключить в себе «краник», отвечающий за рождение потомства. Но шестнадцать отпрысков – это уже... всемирный авторитет.

И кошмар! Натуральный кошмар, справиться с которым человеку, занятому управлением целой империей, – непосильное бремя. При всей, так сказать, любви к детям, даже поругать их толком не получалось. Эти самые дети из отца веревки вили и творили что хотели. Если бы не мать...

Так что, когда подошел пятнадцатилетний срок, Федор и не вспомнил о возможности дать отставку той единственной, которая умела навести порядок и дисциплину в рядах и колоннах растущих потомков.

Жил. Правил.

Ну и вот собрался отпраздновать двадцатую годовщину своего насильственного (все-таки это духи заставили его жениться!) брака.

У Виктора Алпейци, императора всего рыцарства, тоже все складывалось не наилучшим образом. Хотя вина в этом его супруги Бьянки Лотти (тоже, по мнению большинства, порядочной стервы, да еще до недавнего времени одноногой) не являлась краеугольной. По своей проблемности Бьянка, тоже выходец с Земли, из Италии, оставалась на втором месте.

А вот на первом уверенно шли древние, незыблемые и порой до крайности глупые законы вольного рыцарства. Прежде Первый Рыцарь избирался в ходе целого сонма отборочных турниров, ну разве что ему позволялось вступать в противоборство уже на второй половине дистанции. В любом случае оставаться лучшим два года подряд удавалось лишь легендарным воинам. А тех, кто оставался с подобным титулом три года подряд, насчитывалось в истории всего пятеро. Слишком уж сложно было править баронством Жармарини, да еще и поддерживать самого себя в наиболее великолепной физической форме.

Ну и когда баронство стало королевством, а потом и разрослось на всю одноименную империю, большинство рыцарей проголосовало за сохранение древнего закона. Еще бы! Ведь каждый истинный рыцарь себя в душе мнил самым, самым, самым и втайне лелеял мечту когда-нибудь да прорваться в финальный турнир по изломанным костям своих соперников. А там... Почему бы и не примерить на себя регалии Первого, а вместе с ними и корону императора?

Ибо именно такие вот тонкости процессуальной казуистики существовали в законах. Там еще много других имелось тонкостей, но именно эти ни единого дня не давали расслабиться Виктору на троне. И не потому, что он желал именно себя видеть обладателем короны и единоличным властителем, а потому что понимал: достаточно одного года неумелого правления, и мощная, единая империя распадется на сражающиеся до смерти удельные княжества. Следовало хотя бы лет пять продержаться именно в таких вот рамках. Еще лучше десять, когда наступит возможность хоть как-то подкорректировать устаревшие законы.

Поэтому первым делом были проштудированы внимательно те самые «мелкие тонкости». И это принесло свои плоды. Результат того стоил. Отыскался закон, что Первый Рыцарь может начинать участие в турнирах только в последней четверти, если он во главе штатной армии совершит победоносную войну.

Вот и пришлось землянину каждый год воевать. Не всегда большой кровью и не всегда с врагами. Ибо последних фактически и не было в пределах империи. А посягать на целостность соседних – такое в голове не укладывалось. Войны устраивались скорей потешные, весьма

похожие на крупномасштабные маневры. Но мало кто догадывался, чего стоило Виктору все эти войны или столкновения организовать, спровоцировать, сделать так, чтобы они казались настоящими, и выходить из них победителем.

Наверное, поэтому он и свихнулся несколько на этом деле, предлагая порой даже братьям и сестре слегка повоевать и выбить самым агрессивным ястребам зубы.

Еще одной тонкостью, мало кому известной, оказался закон, гласящий:

«Коль Первый Рыцарь удесятерит территорию Жармарини за десять лет своего правления, то он становится пожизненным правителем. А коль территория увеличится за двадцатилетие в пятнадцать раз за время правления, то его титул правителя станет переходить по наследству».

Ничего подобного в прежней истории быть не могло по умолчанию, поэтому эти дополнения к законам банально забыли, затерли в самые дебри. Но они были и, словно бомба замедленного действия, ждали своего часа. И этот час близился. Каждый год война увеличивала в два раза шансы Алпейци на победу в турнирах. После десяти легендарных побед, вошедших во все исторические хроники, он промолчал о своем праве быть пожизненным императором и уже более спокойно сражался дальше. Совсем недавно состоялся и двадцатый турнир, принесший ему титул Первого Рыцаря в двадцатый раз. И нельзя сказать, что Виктору далась эта победа легко. На пределе своих сил он закончил финальный поединок и надолго свалился с весьма опасными ранами. Месяц вылеживался и отходил от стресса. Возраст уже был не тот, моральная усталость давила, да и молодые-ранние зубами вгрызались в прославленный меч, желая свалить вошедшего во все мифы и легенды Рыцаря.

Жармарини увеличила свои территории не в пятнадцать, а в гораздо большее число раз, и землянин готовил в ближайшие месяцы сюрприз всем своим недругам, оппонентам и конкурентам: этакую повторную коронацию себе и всему своему роду на царствие вечное. Только и собирался съездить к Федору на торжество, а потом уже разбираться с делами.

Правда, заблаговременно заявил всему рыцарству, что войны в этом году не будет. Те и обрадовались: льготы на добрую часть уже начавшихся турниров император как бы потерял. Да и помнили о его тяжких ранениях в недавнем финале. Готовились. Мечтали. Планировали и высчитывали, еще не ведая, что император и его потомки останутся у власти навсегда. Ну а титул Первого? Так никто уже и никогда не станет двадцатикратным обладателем подобного. С таким утверждением соглашались все без исключения.

Возможный бунт во время отсутствия законного императора и его семьи?.. Смена власти?.. Такое возможно, пусть и на короткое время. Но скорей всего верные боевые тритии посекут на лапшу предателей и бунтовщиков, уничтожив саму память об их родах, еще до возвращения Виктора Алпейци домой.

Так что Виктор пребывал в кои годы в относительном покое, отдыхал морально и физически в кругу всей своей многочисленно родни.

А его супруга Бьянка Алпейци-Лотти стояла чуть осторонь и уже о чем-то с упоением переругивалась с императрицей Иллюзий. Это у них у обеих кипело в крови: грызться и пикироваться на людях при первых же минутах встречи, а потом, без посторонних глаз, обниматься и со слезами клясться друг другу в самой искренней привязанности и дружбе. Ну как же! Нельзя терять наработанный имидж прожженных стервочек, иначе подданные уважать и бояться перестанут. Потом доносить перестанут. Потом еще чего учудят. А дальше цепочка негатива и упущенных заговоров потянется... Политика!.. Истеблишмент!..

Кстати, суть спора между первыми дамами могла считаться ударами ниже пояса, если бы стала достоянием широкой гласности.

– Ну и как твоя новая ножка? – вопрошала с ехидством Коку Мелиет. – Лучше надоевшего протеза?

– Хуже! – следовал ответ с мрачным сарказмом. – Недавно одной болтливой козе так под зад пнула, что та навеки пасть захлопнула. Но при этом пальцы свои же чуть не поломала. А с протезом!.. Мм!.. Одно удовольствие пинать всякую нежить!

Когда-то, спасая Люссию Фаурсе, Бьянка Лотти поступила невероятно самоотверженно, но осталась без ноги. Вот и ходила почти девятнадцать лет на протезе. А чтобы отращивать конечности человека, следовало обладать сто десятым уровнем шабена. Или иметь подобный целительский навык от рождения. И, казалось бы, несложно отыскать на гигантском материке подобных врачей, тем более когда почти везде правят твои кровные родственники. А Виктор всех просил помочь, и все старались, искали. Но так ничего не нашли. То ли не было подобных умельцев, то ли они попрятались в нейтральных странах, узкими полосками протянувшихся между четырьмя великими империями.

Но тут вот и начались главные чудеса, показавшие некоторое различие между землянами. Они и так, в отличие от местных, резко и постоянно эволюционировали по уровням шабенов. Плюс им давали солидные добавки разные стрессы, войны, смертельная опасность, рождение детей или благодарственное деяние Лунной медузы. Когда эта древняя обитательница данного мира, помнящая его создателей, появлялась возле людей и демонов, поющих в ее честь, то одаривала всех участников пения сразу пятью следующими уровнями. Но бывали такие случаи редко, а в последние пятнадцать лет – так вообще ни разу.

Зато большие бонусы давались землянам (уж неведомо почему) за рождение каждого ребенка. Мужчинам – два уровня за первенца и по одному за последующих детей. Женщинам – по два за первенца и по три за последующих. То есть та же Виктория только за радость материнства выросла на семнадцать уровней. Плюс еще ей несколько привалило разных бонусов за два десятка лет, и на Янтарную свадьбу к брату она прибыла, будучи шабеном девяносто седьмого уровня. Уже феноменальный результат.

Тот же Федор, как самый продуктивный отец, да при обучающей составляющей своих духов, перебрался за рубеж в сотню пунктов и теперь обладал сто пятым уровнем. Ноги отращивать он еще не умел, зато весьма плотно занимался пробоями Эфира, доставая оттуда таких монстров, что даже его бронированные хитином подданные боялись. Ну и нужные ингредиенты, считай, покупались в основном у него.

Кстати, его Коку никаких преференций не шло, местная все-таки.

Виктор, благодаря троим наследникам и постоянным, ежегодным войнам добрался до девяносто восьмого уровня.

Алексей в плане магических умений выглядел хуже всех. Добрался только до восьмидесяти первого уровня. И часто за это укорял в первую очередь свою супругу. В шутку, конечно:

– Вот он, результат! До сих пор не умею управлять животными с дистанции в сто метров. И как мы только выживаем в такой обстановке? Может, начнем воевать со всеми, как Виктор? А ты начнешь рожать, как императрица Иллюзий?

Но дальше подобных шуток дело в империи Справедливости не шло.

А вот Бьянка Лотти, бывшая землянка и уроженка Италии, всех перегнала именно благодаря родам. Ну и, как многие предполагали, по причине своей крайней инвалидности. Этакий бонус от здешнего, магического мира. А во время ссор кое-кто добавлял иную причину, говоря, что итальянка еще у себя дома считалась отъявленной ведьмой. За что, мол, и была сожжена на костре еще в девятнадцатом веке.

– Неправда! – злилась Бьянка. – Меня не сжигали! – Но своей причастности к ведьминскому сословию никогда не отрицала.

Так вот, она за своего первенца Сергея получила два уровня. Как и все. Но уже за второго сына – десять. А за третьего – двадцать!

Было чему поразиться самым близким и родным. Потому что для всего мира эти данные оставались крайне засекреченными. Все обыватели твердо веровали, что жена у Виктора Алпейци так и осталась в районе шестидесятого уровня.

А она, помимо бонусов при родах, еще парочку уровней прихватила во время разных там покушений и заговоров. Вот и оказалась наиболее сильным, невероятно умелым шабеном сто одиннадцатого уровня.

После чего не спеша, подготовившись и потренировавшись, приступила к отращиванию утерянной ноги. Для всего мира разыграли спектакль привоза некоего отшельника якобы сто двадцатого уровня, который, дескать, и восстановил императрицу во всей ее красе и в полном здравии.

Так что в чисто семейной «беседе» бывшая ведьма с Земли никогда не упускала случая подначить свою коллегу-соперницу. Не отказалась от такого шанса и сейчас, зашептав императрице Иллюзий на ушко:

– Теперь я уже точно выяснила, за что можно получить сразу двадцать уровней. А то и все сорок!

Коку сразу заподозрила какую-то гадость, но снизошла и подыграла:

– Не томи, рассказывай!

– Ты ведь можешь просто родить еще троих!

– Но мне за это ничего не идет...

– А тебе и не надо! Все премиальные уровни пойдут твоему Федору! Правда, здорово? – вполне искренне радовалась императрица Жармарини.

– А ему-то с чего? – все еще тупила прекрасная Коку.

– Так ты же его сделаешь инвалидом! Отрежь ему обе ноги перед зачатием, и нет проблем. А я потом ему заново что угодно отращу. Хи-хи! Чего скривилась?.. Не веришь мне, что отращу?.. Зря... Могу и длиннее ему сделать... ногу. Одну. А то и обе. Хи-хи-хи!

– Ты бы себе вначале хоть чуточку мозгов отрастила! Или заменила бы полностью, забрав у первой встречной овцы! – тут же нашлась подружка. – А то совсем отупела. Как бы Виктор тебе замену не стал искать.

И тоже желчно рассмеялась, видя, как уголки губ у драчливой коллеги дрогнули в гневе и возмущении.

Вот такие диалоги случались во время небольшого показа-дефиле перед подданными империи Иллюзий.

Вот такие родственные интересы, тайны и совместные планы.

Ну а дети? Двоюродные братья и сестры? Так то – отдельный и очень долгий разговор, ни к празднику, ни к предстоящему семейному обеду никак не относящийся.

Глава 6

Рыбалка или ловля на живца?

Дмитрий держался за бамбуковый ствол очень крепко. Но все-таки сообразил выпустить палку из рук, чтоб его не втянуло в черную дыру. Метра три, правда, пролетел в сторону опасности, но растянулся от нее на животе метра за два. Тут же, не вставая на ноги, резко откатился в сторону и назад, а там и отпрыгнул на должное расстояние.

Метнувшийся на помощь Отелло только и успел взмахнуть лапами да сделать два шага. Зато и возмутился громко, скрывая в первую очередь собственный страх:

– У-уд! И-из!

– Да куда бы я не провалился! – отмахнулся Дим от приятеля. И, бросаясь к рассыпавшейся связке, объяснил: – Все было под контролем. А вот то, что меня попытались нагло к себе втянуть, мне категорически не нравится! Поэтому... делай, как я!

Подхватив пяток стволов, он подскочил к мрачной черноте поближе и стал метать бамбуковые копыя прямо в то место, куда кто-то неведомый утанул послание и самодельную удочку. Тут же к нему с этим развлечением присоединился и мохнатик.

С азартом метали импровизированные копыя, со всей силы молодецкой. И за минуту от их недавно тяжелой ноши остались только обрывки лиан. Зато звуки, издаваемые воронкой, резко изменились. Там что-то затрещало, словно разорвалось небо, ухнуло, и черная дыра стала быстро сворачиваться.

– А нам?! – закричал в возмущении Дмитрий. – Нам почему никакой весточки не передал?! Вот же урод бесхвостый!

– Гы-ы! – своеобразно хохотнул друг, приставляя пальцы к своему широкому лбу.

– Ага! И безрогий! – сам-то Дим от рождения мог превращаться из демона в человека и обратно. А что сложного? Только и надо, чтобы хвост появился да рожки небольшие в волосах торчали. Массивный товарищ так вообще родился с хвостом, хотя, по заверениям Семена, как бы в среде орангутангов так и должно быть.

Причем оба дружка хвостами пользовались всюду, особенно при лазании по здешней растительности. Удобно и практично. Поэтому порой запускали в диалогах такое ругательство, как «бесхвостый». Естественно, что не при отце! Тот без хвоста явно чувствовал себя ущербным и мог бы обидеться.

Сейчас же товарищи, пятась от дыры, недовольно поглядывали то на нее, то себе под ноги. Очень уж хотелось еще чем-нибудь пнуть на «ту сторону», но под ногами ничего, кроме крепко ссохшейся глины, не наблюдалось. Да и пробой между пространствами уже завершал свое существование. Там опять что-то ухнуло, заскрежетало, и пятно черноты стало быстро сокращаться. А на его месте оказалась солидная воронка со спекшейся на стенках глиной. Ни самого болота, ни осоки с кузнечиками словно не бывало.

Но в самый последний момент некий гостинец неведь откуда все-таки прилетел. С заметным содроганием почвы, словно предмет упал с громадной высоты, в центре уже исчезнувшей черной дыры появился кусок искореженного, погнутого, раскаленного и слегка дымящегося железа. Размеры... Ну, примерно как тумбочка, высотой с человека.

Наверное, именно поэтому у мохнатика возникли определенные ассоциации.

– Ры-ы! – зарычал он с явным восторгом и сделал жест, словно кидает копьё.

– Да никакой это не рыцарь! – возразил лохматик, идя по кругу и пытаясь рассмотреть предмет со всех сторон. – Мяс-то внутри не видать... Да и вонь была бы совершенно иная...

Что такое рыцарь, как и чем он сражается, они знали прекрасно. Да и сами мечтали стать такими же сильными и знаменитыми, как Первый Рыцарь империи Жармарини. Об этом роди-

тели рассказывали очень много и весьма подробно. Да и прекрасно рисующая Люссия походя запечатлевала на стенках пещеры целые сценки жизни на Изнанке. Лишь бы краски для этого имелись в наличии. И рыцари в этих сценках наверняка преобладали.

– У-у! Чу-у! – последовала следующая догадка, сопровождаемая движениями лап, имитирующими работу поршней.

– И не паровоз! – последовало очередное заверение. – Хотя вполне возможно, что и какая-то его часть, он ведь жутко огромный.

Семен тоже любил рисовать, в том числе и на стенах. Он там не только паровозы, корабли и самолеты изображал, но и рядом с ними фигурки людей, дабы у детей формировалось правильное соотношение и верный масштаб.

– Пш! – посоветовал Отелло.

– Да, не помешало бы водой полить эту загадку, – рассуждал Дим. – Но не фляги же нам опустошать? Да и не хватит... Так что будем ждать, пока остынет. Вроде тут почва вполне стабильная, запеклась по кругу, следовательно, и не размякнет так быстро для нового болота. Но пока я посторожу, стоняй обратно к зарослям бамбука и принеси четыре ствола покрепче. Иначе мы этот трофей до дома не дотащим, тяжелая штучка.

Не успел он договорить, как пес сорвался с места и помчался за так необходимыми жердями. В том, что можно было не все копыа закидывать в черную дыру, он и не подумал упрекнуть Дима.

Дальше сложилось не столь интересно, как тяжело и нудно. Штуковина весила как целых два Чернявых, поэтому приятели изрядно намучились только при выемке ее из воронки. А уж сколько потов с них сошло на оставшейся к дому дороге, лучше не вспоминать.

Ну и заметили их, идущих с добычей, издалека. Потому что дежурил кто-нибудь на посту, при отлучке других, постоянно. И дома уже начали волноваться, почему парней нет так долго с очередной спаркой бамбуковых стволов.

Навстречу выскочили Булат и Кэрри. Алла, видимо, ринулась докладывать отцу с матерью об изменении обстановки.

Десятилетний Булат еще издалека деловито предложил:

– Помочь?! – сделал еще пару шагов, рассмотрел ношу, как и опасно пригибающиеся от тяжести стволы, и добавил: – Или сами справитесь?

– Поможешь, если под ногами путаться не будешь! – просипел Дим с натугой.

А вот шестнадцатилетняя Кэрри действовала иначе. Размотала накиннутый на плечо моток веревки, проложила ее поперек тропы и крикнула младшему брату:

– Хватай, как я! – пропустила веревку себе по спине, потом через плечо и зажала плотно в руке. Малый сделал то же самое, и, когда ноша проплывала над лежащей на тропе веревкой, оба помощника разогнулись, тем самым прикладывая свои усилия на поддержку тяжести снизу.

Тропа в том месте уже изрядно расширилась, позволяя идти по сторонам, так что помощь оказалась вполне ощутима. Измучившиеся парни даже вздохнули чуток и заулыбались.

– Гы-ы! Са-а! – промычал мохнатик, а его дружок тут же поддакнул:

– Конечно, они и сами бы донесли, но теперь уже мы им поможем.

Несмотря на шутки по таким поводам и нежелание Дмитрия с Отелло возиться по хозяйству, взаимопомощь и жертвенность в семье всегда были на высоком уровне. Так что последние десятки метров пронесли быстро, с нарастающим настроением. Ну а как же, и трофей принесли, и все вроде как поучаствовали в этом.

Семен встретил детей возле самого входа и сразу же жестом дал знать, чтобы оставили ношу снаружи. Еще и словами дал пояснения:

– Мало ли что на этой железяке есть заразного...

– Так она была вполне раскаленной, когда выпала. Мы ждали, пока остынет.

– Ну есть такая гадость, как радиация, которая огнем не уничтожается, – бормотал отец, уже внимательно осматривая и ощупывая покоруженное железо. – Да чтоб я так жил!.. Неужели это он?.. И откуда же это выпало? Рассказывайте!

Пока цокал языком да выслушивал эмоциональный пересказ событий, он, видимо, пришел к определенным выводам. И когда на входе собралось все семейство, дал пояснения в первую очередь Люссии:

– До сих пор не могу поверить в это, но перед нами громадный высоковольтный трансформатор! Ну, ты помнишь?..

– Еще бы! – откликнулась та, тоже ощупывая железо. – На нашем корабле такие стоят, да и барон Каменный подобные им клепал очень много. Только не пойму, как он попал к нам и почему именно в таком состоянии?

– Тут можно только гадать, основываясь на словах наших любителей приключений, – при этом он задумчиво глянул на отдыхающих парней. – Послание Дмитрия оказалось еще и между стальных пластинок зажато, и он его не просто забросил в черную дыру, опасаясь, что оно потеряется в болотной гуще. Он им еще и водил из стороны в сторону на конце своей «удочки». А теперь присмотришься вот сюда...

– Оголенные и сильно оплавленные клеммы, – констатировала Люссия. – Иначе говоря, наш старший сын нечаянно повредил чью-то силовую установку? Или отдельно стоящую часть?

– Именно! Замыкание. Взрыв. Сгоревшая проводка, кусочки которой мы видим вот здесь... Дальше можем опять-таки только предполагать. Либо трансформатор сам от взрыва сорвался с места, и его затянуло «обраткой», либо некий экспериментатор швырнул испорченную вещь в пространство Эфира.

– Зачем швырнул? Все-таки в таком случае надо разобраться в причинах аварии.

– Тоже вариантов достаточно, – Семен задумался всерьез. – Самый банальный повод: от злости и досады. Далее: чтобы отомстить виновнику. Но это самое слабое допущение... Ну и еще один повод: уже негодный трансформатор имеет некий маяк, и по нему можно отследить точку его местонахождения в Эфире. И экспериментатор, или шабен, или кто он там?.. Сбросил первое, что оказалось у него рядом под рукой.

Демонесса, в явном волнении, погладила ладошкой свой лоб:

– Неужели у нас появился шанс?

– Хм! Сложно вот так сразу называть это шансом... Боюсь заранее обнадеживать. Но что-то в этом определенно есть, – признал отец семейства. – Надо будет все тщательно продумать, обезопаситься...

– В каком смысле? – удивилась Люссия. – Разве от этого нам грозит опасность?

– Предрекать не берусь, – он вновь стал ощупывать искореженный кожух трансформатора. – Но уж больно странно он выглядит. Как бы чего не вышло...

– Иначе говоря, трансформатор не с Изнанки?

– И даже не с Земли! Слишком уж кардинальные отличия, иная компоновка, ребра жесткости диковинно выглядят, да и сам сплав – мне незнаком совершенно. А ты бы хотела попасть в совершенно иной, новый мир?

Хороший вопрос получился. И, видимо, раньше тряса над подобным никогда не задумывалась. Верила, что они обязательно вернутся домой, а вот про иные миры как-то размышляла абстрактно. Ну, есть они, да и пусть. Нам-то что до них?

А сейчас какие перспективы приоткрываются? Вдруг в новом мире – еще хуже, чем в Пятом? Не получится ли, как в той поговорке: «Из огня, да в полымя!»? И если бы еще утерянные при войне с Сапфирным Сиянием магические возможности за двадцать лет вернулись! Можно было бы в любом мире занять достойное место. А с таким минимумом, как сейчас, можно и в рабство попасть.

А здесь как-никак уже все привычно, быт обустроен, риск сведен к прожиточному минимуму. Пусть и опасностей – море. Пусть и обособленность от людей и демонов приелась. Но...

– Ты знаешь, я бы рискнула, – вдруг призналась демонесса. – Но только чтобы всей семьей, одновременно. И чтобы потом уже оттуда все-таки отыскать дорогу на Изнанку. И чтобы быстро отыскать...

– С тобой все понятно! – оборвал Степан жену, пустившуюся в перечисление условий. – Когда появится такая возможность, тогда и будем думать. А пока стоит вынести благодарность Диму за его сообразительность. Догадался написать послание и носить его с собой. Теперь подобное также будет постоянно при мне и у Отелло.

– Сразу идти писать? – вскочил на ноги поощренный сын.

– Нет. Вначале мы эту вот штуковину разместим в безопасном месте...

– Разве ты ее не в мастерской станешь разбирать?

– Ни в коем случае. Вдруг здесь и в самом деле метка, по которой шабен вновь создаст переходной тоннель в Пятый слой? И устроит нам в Пещере тридцатиметровую воронку? Ха! Нетушки! Волочем ее вон туда и подвешиваем между тех вон скал, на высоте трех метров. Ну и мостки удобные соорудим, чтобы спрыгнуть всегда можно было... А уже потом спокойно продолжите носить бамбук и закладывать окна второго уровня.

– Тэ-э! А-а? – недоумевал Чернявый, напоминая о послании. Писать он тоже умел, хотя буквы у него получались огромные и страшные.

– Послания написать, как и грамотно их упаковать, мы девочек попросим. А правильный текст – мама составит. Ну а Булат отправится в кузню и распластает нужные пластинки железа.

Раздав всем задания, Семен в предвкушении потер ладони и склонился над трофеем. Некоторые перспективы ближайшего будущего ему виделись весьма оптимистическими.

Глава 7

Старанье и труд – мозоли натрут

Вначале искореженный трансформатор отнесли на выбранное Семеном место. Затем он, вооружившись подручными инструментами, взялся за разборку устройства, а парней отослал за веревками и нужными жердями для помоста.

Еще через час они подняли трофей на задуманную высоту. Пообедали, после чего продолжили прерванные работы. Отец копался в ценнейшей для него куче металла, а сыновья таскали бамбук.

Уже после третьей спарки изрядно измученный Дим предложил другу:

– Давай предложим бате помощь?

Дождавшись неуверенного кивка, устремился к торчащим из массива скалам.

– Помощь профессионалов не нужна?

Семен оглянувшись, скептически осмотрел переминающуюся парочку и вдруг согласился:

– Да, можно сказать, что нужна. – После чего жестом указал на разобранные части устройства. – Всмотритесь в каждую деталь внимательно. Причем не основным зрением, а тем, которое вам помогает заметить опасность или что-то странное. Или когда вы в полной темноте видите пятна теплокровных животных. Надо отыскать метку, хотя ее может и не быть.

Подобные умения ребята осознали в себе и развивали от самого рождения. Причем человек превосходил пса по умениям в большинстве из них и в количестве втрое. Но опять-таки никакой четкой градации у него по уровням шаблона составить не получалось. Все вразнобой, шиворот-навыворот, а порой и вообще не поддавалось классификации. Например: для чего может служить умение потрогать ствол живого дерева и узнать, сколько ему лет? Или: зачем человеку уметь ускорять образование кристаллов соли в перенасыщенном соляном растворе? Именно и *только* соли?

У дочерей и младшего сына умения вообще не поддавались квалификации, скорее всего будучи пригодны только для Эфира. Да они чаще всего и не проявлялись, что, по мнению матери, зависело от не изученных еще и непонятых окружающих факторов. Но над изучением и опознанием тех самых умений работали скрупулезно и ежедневно, пытаясь свести все это в некие таблицы, графики и списки.

Так что ребята отнеслись к заданию отца с особым усердием и с тщательно скрываемым удовольствием. Всё же лучше думать головой, чем наращивать мозоли на тяжелой работе. Внимательно осмотрели детали, несколько раз и с разного расстояния. Потом стали это делать с закрытыми глазами, отрешившись от всех внешних раздражителей. Именно так удавалось на охоте выследить, обнаружить, подстеречь самую пугливую и самую лакомую дичь.

Не прошло и десяти минут, как оба вполне уверенно указали на плотный моток медной проволоки со стальным стержнем внутри.

– Хм! Проволока вряд ли может нести на себе метку. А вот сердечник... – бормотал Семен. – Вполне может стоять особая метка, хотя бы мастера-изготовителя. Но почему я ничего не вижу?..

Через некоторое время он позвал супругу для подобных же определений. И она ничего не отыскала. Прибывшие на помощь дочери потратили на поиски четверть часа, но тоже указали правильно на часть с меткой. Хотя и делали это с некоторой неуверенностью. И только Булат сразу ткнул пальцем в стальной сердечник, уверенно заявив:

– Там внутри инородный кусочек металла. Он и выглядит как особая метка.

Впервые на младшего в семье посмотрели не просто с любовью или восторгом, но и с явным уважением. Да и с надеждой. Коль он в десять лет в чем-то оказался на голову выше всех, то что из него получится, когда он вырастет?

Но пока малый явно не зазнавался и просто спокойно ждал, какие вопросы последуют дальше. Вот отец и спросил:

– Какого цвета этот кусочек? Какого размера и какой формы?

– Цвет серебристый. Форма цилиндрик. Размер вот такой...

И он пальцами показал толщину и длину цилиндра.

– Хм, чуть тоньше, чем гильза от пистолетного патрона... А присмотрись-ка, сынок, может эта метка являться сплавом металла и того хрусталя, который я достаю из четвертого слоя?

– Так и есть. И как раз на крапинках этого хрусталя и закреплена метка.

– А убрать ты смог бы эту метку?

– Не знаю, – засомневался ребенок. – Вот если бы этот кусочек в руках подержать...

– Хорошо! Пока все – по своим делам, я сам продолжу разборку. Для меня эта проволока – невероятный подарок, так что все равно сматывать буду. Да, ребята, помогите вот это все отложенное в сторону отнести в мастерскую.

Но прежде чем все подхватили разобранные детали трансформатора, Люссия протянула мужу три послания, тщательно упакованные в непромокаемые пузыри и защищенные стальными пластинками:

– Я свои метки поставила. Ставь и ты!

Пока тот колдовал с навешиванием издалика видимых знаков, мать и младшего сына поощрила к действию:

– А ты сможешь свою особую метку поставить? Смотри, как мы это делаем...

Как только Булат стал возиться с одной из посылок, его сестры сразу заревновали:

– Мы тоже хотим!

– Пробуйте, – согласились родители. – Если получится...

– Гы-ы? – напомнил о себе Отелло.

– Правильно, и мы попробуем! – поддержал его Дим. – Тем более это наша задумка – отправлять послание. А тут смотри уже, сколько желающих подмазывается к нашей славе.

Сам-то лохматик не был жадным на подобные идеи. И про все, что придумывал хорошего или удачного, утверждал, что это общая задумка с мохнатиком.

В общем, отметились все. Даже девушки что-то общими усилиями наваяли, чему радовались и гордились от всей души. Причем радовались все: родители за детей, старшие за младших, младшие – за себя и за всех.

А все три сообщения оказались в наиболее защищенных карманах Семена, Дмитрия и Отелло. Еще и договорились при возможности не просто так забрасывать послание в зев черной дыры, а делать доставку более предметной и значимой с помощью любой подходящей удочки. Ну и размер решили этой удочки не ограничивать, чем длинней – тем лучше. Коль будет такая, естественно, поблизости.

Банальную осторожность при передаче тоже следовало устроить. По мнению Семена, бросание копий в воронку переноса было крайне неправильным решением. С той стороны от таких действий мог кто-нибудь пострадать, не хватало только в ответ неуместной мстительности от неизвестного лица или от группы неизвестных лиц.

А что в таком случае может прилететь в ответ? Да что угодно! Начиная от неких взрывчатых веществ с поражающими осколочными элементами и заканчивая заброской в Пятый какого-нибудь нового, неизвестного семейству монстра.

– Мать мне не даст соврать, – делился Семен воспоминаниями с детьми, – насколько страшные и громадные духи обслуживают императорский дворец Иллюзий и помогают управ-

лять Федору всем государством. А ведь считается, что половина из них добыта древними именно в нашем слое. А мы за двадцать лет и сотой части их не увидели. Значит, где-то они прячутся? Либо в иных слоях Эфира, либо в иных мирах...

– Либо давно уже вымерли, – закончил за него Дим. – По крайней мере, в нашем тихом, всеми забытом закоулке.

– Сомневаюсь, что такие твари так просто вымрут. Коль они в подземельях Хаюкави тысячи лет живут без всякого доступа воздуха, воды и пищи.

Тут и Люссия вмешалась, попытавшись воспользоваться властью, данной ей матриархатом:

– Следует прекратить все дальние вылазки, охоту вне ближайших массивов и разведывательные рейды. По крайней мере, до того как с этими черными дырами выяснится нечто конкретное.

Видимо, забыла, что она вне пещеры. А может, и Семен порой забывал о внушаемых детям правилах. Потому что не спорил, а попросту констатировал сложившиеся обстоятельства:

– Ареал разведки придется немного расширить. При этом ребята постараются отметить все точки возникновения черных дыр в нашей округе. Этот момент я почему-то упустил, а пространственная характеристика и статистика, может, чего и подскажут дельного. Особенно в определении следующего возможного пробоя.

– Ты все-таки предлагаешь называть это явление пробоем?

– Да. И уж точно те случаи – когда после них остается нечто не от мира сего. И с этого часа... – Семен показательно огляделся по сторонам и отдал распоряжение для всех: – Даже вот к этому помосту выходить с полностью снаряженными арбалетами. А уходящим еще дальше охотникам брать по два устройства и по два комплекта хрустальных болтов.

Такому приказу обрадовался только самый младший:

– Здорово! Значит, не зря я тренировался в стрельбе.

– А нас и так даже сюда не отпускают! – успели пожаловаться девушки.

Старшие «братья» лишь переглянулись многозначительно, стараясь не кривиться. Двойное снаряжение только мешаться будет, лишний вес. Дальше пределов своей вотчины, за тем же бамбуком, они ходили без арбалетов. Привыкли к своему полному и неоспоримому преимуществу. Каждый кустик, каждую ямку и любую опасность изучили, да и бегали с невероятной скоростью.

Хотя сами арбалеты они практически боготворили. Отличное оружие, модернизируемое отцом постоянно. А уж какие он болты сделал из горного хрусталя, вынутого из нижнего, четвертого слоя! Сказка, а не болты. Четырьмя такими убивался земерь. Десятком уверенно умертвляли такую тушу, как джонл. Вот только каждый болт стоил кропотливого труда, уйму времени и усилий.

Приходилось экономить, тренируясь с идентичными по весу каменными стрелками. И на этих тренировках Семен никому не давал спуска. Даже его любимая тряса с ворчанием отрывалась от срочных дел и поражала мишени чуть ли не лучше всех. Дети удивлялись такой меткости, пока отец по секрету не поведал страшную тайну:

– Когда я познакомился с вашей мамой, она уже была командиром отряда экипированных воинов. И уже тогда стреляла из арбалета лучше всех.

Дети стали гордиться такой мамой, зауважали ее еще больше. Разве что Алла попыталась заступиться:

– Зачем ты тогда ее заставляешь тренироваться каждый день?

– Чтобы вам было на кого равняться. – Заметив, как старшенький самодовольно скривился (он в тот раз победил по очкам), отец добавил: – И учитывайте, что она пока стреляет

спустя рукава. Не хочет, чтобы вы веру в себя потеряли. А в момент опасности станет попадать в самое яблочко.

Но эти воспоминания не давали право на расслабление или невыполнение очередного напоминания:

– Давайте, давайте! Хватайте все лишнее здесь и в мастерские волоките. А оттуда и для меня арбалет захватите! А ты, Кэрри, не забывай о своем дежурстве на посту.

Загрузились все. Даже девушки ухватили по массивной железяке.

Да и двинулись к дому. А вот отсутствие постового на самой высшей башенке массива сыграло с семейством плохую шутку. Потому что некому оказалось заблаговременно предупредить о приближающейся опасности. Раздался жуткий скрип, затем громкий взрыв. Тут же последовало еще два взрыва, уже довольно внушительно потрясшие весь массив. А на заднем плане возвышающейся Пещеры во все стороны свободного пространства протянулись застывающие протуберанцы растительной живицы.

– Столкновение! – выкрикнул промчавшийся мимо семьи Семен. – Бросайте все и за мной!

Глава 8

Приятное с полезным или с необходимым?

Императоры собрались не просто на Янтарную свадьбу. И не просто увидеться лично, после нескольких месяцев разлуки. Все-таки встречались они относительно часто, а уж с помощью тумблонов могли общаться хоть каждый день.

Но тут назрел один важный вопрос: что делать со станцией телепортаций, которая находилась в Святой долине Столбов Святии?

Построенная некогда то ли создателями этого мира, то ли его временными приживалами, станция, названная еще отцом Бублград, в последнее время стала чудить. Свойства у нее такие имелись, что каждое существо, входящее в зал главного телепорта, перебрасывалось на свою малую родину. То есть в то место, где оно родилось. Хоть в иной мир, хоть на иную планету, хоть в невесть какую галактику. При этом еще и некая таможня срабатывала, изымая из багажа путешественника все ценные вещи, принадлежащие миру Изнанка.

Иначе говоря, и сами земляне, решившие оказаться в оставленном двадцать семь лет назад отцовском доме, могли преспокойно телепортироваться на родную планету и в родное государство. Но что-то никто из них даже не заикался о таком. Мало того, имейся потом возможность обратной телепортации на Изнанку, все равно никого ни капельки не интересовало, что там на Земле делается. Даже одним глазком заглянуть не хотелось. Как говорится, давно отрезанный и забытый ломоть, превратившийся в выцветший сухарик, своим затрапезным видом не вызывающий малейшего аппетита даже перед голодной смертью.

Разве что Виктор, будучи порой в несколько нетрезвом состоянии, громко грозился:

– Вот сделаю привязку на свое место рождения в виде какого-то амулета, и буду туда отправлять самые буйные, отрицающие дисциплину рыцарские тритии! И пусть они там наводят должный порядок железной кованой пятой!

Ему обычно кто-нибудь возражал:

– Да там из пулеметов подырявят твоих рыцарей, что консервные банки.

– Моих?! Рыцарей?! Как консервные банки?! – заводился император Жармарини. – А фигушки! Достаточно будет послать в каждой тритии по парочке шабенов, и те взорвут весь порох и все бомбы на планете с гигантского расстояния! А потом весь этот клоповник: мечами! Щи-их! Хрясь! Тресь!

При этом всегда пытался выхватить свой меч и в порыве боевого задора порубить несколько обеденных столов.

Никто против этого не возражал. Первого Рыцаря всегда жалели и от всей души сочувствовали: круглый год из лат не вылезает, все мечом машет... И когда только детей успел сделать?..

Но на том все упоминания о Земле и заканчивались. Зато сегодня братья и сестра удивились по другой причине: Алпейци был хоть и в парадных латах, но без своего легендарного меча. Виктория даже вслух на эту тему высказалась:

– Наверное, в океане все адмиралы Асмы издохли, раз наш главный вояка без меча сегодня решил трапезничать. Неужели и спишь без него?

– Да надоело, – ворчливо, снимая с себя и часть рыцарского облачения, признался Виктор. – Двадцать лет по краю ходил, столы рубал и щеки надувал. Теперь могу расслабиться на заслуженной пенсии. И за собой трон почти закрепил пожизненно, и детей обеспечил. Осталось лишь формальности соблюсти.

И последним уселся за стол.

Накрыто было на четверых. Хоть роскошь поданных блюд могла поразить самых именитых кулинаров любого мира. На данном семейном обеде отсутствовали даже жены императоров и консорт владычицы Зари. Женщин забрала посплетничать к себе многодетная Коку, а Зиновий Карралеро сам отыскивал какое-то важное дело в здешней главной библиотеке.

Даже слуг отпустили, оставив на охране лишь нескольких духов да стальных роботов, всегда сопровождающих коронованных выходцев с Земли.

Ну разве что Виктория поинтересовалась о должном пригляде за детьми:

– Ничего не натворят? – потому что видела, как гурьба кузенов и кузин умчалась с неподдельным интересом куда-то на верхние этажи гигантского императорского дворца.

– Не переживай, я распорядился, – отмахнулся Федор. – И ты ведь помнишь, что за каждый проступок или нарочитую неосторожность мои духи наказывают провинившегося ребенка ощутимой болью.

Да, было здесь такое. Духи лучше всяких нянек приглядывали как за младшими, так и за великовозрастными наследниками. И если те творили нечто уж совсем непотребное или опасное для собственной жизни, то получали такие ощутимые и болезненные уколы, что полчаса непроизвольно почесывали мягкие места. Потому и жаловались порой родителям по поводу неприемлемости телесных наказаний для принцев и принцесс. Но родители, словно сговорившись, еще и сами добавляли наказаний, приговаривая:

– Раз ты требуешь к себе почтения как к принцу, то будь добр и вести себя как полагается! Будь примером для любого из своих подданных во всем и всегда.

Воспитание-с!

Хотя за мелкие провинности никто из духов детей не одергивал и не наказывал. Ну упали. Ну оборвали несколько ковров, полотен, gobеленов, картин... Ну разбили что-то там и перевернули парочку буфетов с чем-то... Мелочи. Есть кому убрать и есть чем заменить испорченное. Все равно в запасниках гниет годами, пылится, покрывается плесенью, а так появляется замечательный повод обновить интерьер.

А если сам император или его супруга, заметив подмену, начинают сердиться:

– Что это за кувшин?! Куда делся мой привычный графинчик?! – то всегда в ответ прозвучит вежливое пояснение от главного домоправителя:

– Так ведь дети нечаянно разбили. Пришлось поменять на более ценное, древнее и прекрасное.

И всегда у них находилось нечто более совершенное и воистину бесценное взамен простенького и давно уже устаревшего, но разбитого (испорченного, порванного, сторевавшего – нужное подчеркнуть) предмета. Разве с такими поспоришь?

Вот и сейчас Федор сразу забыл и о детях, и о духах, гостеприимно указывая на стол:

– Угощайтесь, мои дорогие! Ибо до официального ночного пиршества еще далеко, а говорить на голодный желудок – это не наша, не славянская традиция.

Ну да, домой из них никто не рвался, зато часть славянских традиций лелеялась, поговорки и пословицы употреблялись, сотни просторечных выражений, сленговых и жаргонных словечек твердо укоренились в лексиконе Изнанки. Да и образцы земных одежд давно внедрили в моду во всем здешнем мире.

Но если мужчины налегали на угощение и выпивку основательно, то их очаровательная сестричка лишь ковырнула вилкой пару салатиков да пригубила кубок с вишневой наливкой.

– Зиновий очень упрашивает меня еще одного ребенка родить, – пояснила она на недоуменное мычание братьев. Еще и обвинила хохотнувшего хозяина застолья: – А что? Тебе можно футбольную команду с запасными игроками иметь, а мне нельзя?

Ответное мычание, поднятые вверх руки и кивки доказали: можно! Что хочешь, то и делай. Любимую всеми Мармеладку никто ни словом плохим, ни взглядом кривым не осудит.

Так что довольная Виктория хмыкнула и первой перешла непосредственно к делу:

– Тут некоторые горячие головы неосторожно предложили закрыть станцию для клиентов. Так вот, я категорически против. Моя столица у черта на куличках, за тридевять земель. И моим торговым представителям и личным курьерам добираться в Битенграль – не в ближний свет. Порой и голому явиться вовремя – архиважно.

– Роднулька, так и наши главные города империй не возле долины Свияти расположены, – напомнил очевидное Алексей. – Если по прямой, то мой Зонт гораздо дальше ваших столиц находится. Но так ли уж важны эти торговые сделки или вовремя доставленные письма, чтобы из-за них терять наш авторитет? Престиж в нашем общем деле – превыше всего!

– Да плевала я на престиж, – сердилась императрица Зари, – коль мои эмиссары упускают самые выгодные торговые заказы и сделки! Это вам, мужикам, наглым и беспринципным, легко обирать компаньонов! А что делать бедной беззащитной женщине?..

Все три императора чуть не удавились от смеха и возмущения. Каждый только и выдавил из себя:

– Ну ты и наглая морда!..

– Да твой Зиновий на ходу подметки у конкурентов рвет!..

– А твои спекулянты весь континент своими передвижными фургонами загадили!..

Их сестра самодовольно улыбнулась:

– Не загадили, а украсили, попутно неся в отсталые регионы светоч знаний и прогресса. И Зиновия мне не смейте обижать, он инвалид с детства. Был... А говорить даме, что у нее наглая морда, – верх варварства и бескультурия!

Это вызвало только новые шутки и подначки за столом. Родня-с!

Но и обсуждение по станции пошло предметно. Пятнадцать лет императоры исследовали ее, восстанавливали, прокладывали сквозь грозовую тучу к ней подъездные пути и тоннели. Все, что можно было исследовать, исследовали, что вывезти ценного – вывезли, что полагалось нужного – завезли и отреставрировали. За то же время был построен гигантский торговый город недалеко от долины, там, где грозовая туча своими молниями не доставала до жилых зданий. Еще точнее, город с одноименным названием Бублград расположился вокруг, за периметром Святой долины Столбов Свияти.

Правда, так и не смогли задействовать единственный имеющийся в Закатной империи Справедливости телепорт, ведущий внутрь станции. Имелись, оказывается, и такие девайсы в древности. Приемный зал отыскиали, догадались о его назначении по многим признакам. Да и точку отправления нашли в Зонте, столице империи Справедливости. И ключ имелся, якобы для управления этой точкой, подаренный Зиновием Карралеро своему другу и свояку Алексею. Но как ни бились, как ни пытались запустить малый телепорт, так ничего и не добились. Не отыскиали поломку и у второго подобного устройства в виде маленькой комнатки на вершине ажурной башенки. Не было больше таких башенок на Изнанке, оказались снесены временем, войнами и несознательными обитателями.

К слову сказать, поиск иных комнат телепортации все равно продолжался и по сей день.

И вот пять лет назад решили отдать главный портал совместному коммерческому предприятию. Благо желающих переместиться из центра континента на его окраину (да и в более близкие государства) оказалось невероятно много. И оплата, установленная довольно высокой, никого не пугала. Только и следовало телепортирующимся лицам быть уроженцами тех самых конкретных окраин.

Так почему бы не сшибать легкие деньги, особо не напрягаясь?

И четыре года денежка лилась полноводной рекой. Центральное на континенте Сапфирное королевство стало этакой Меккой всемирной торговли, спорта, театрального искусства и средоточия всех выставок, продажи и презентаций предметов изобразительного искусства. Здесь проводились главные аукционы года, финальные забеги бойцов и лошадей на ипподромах, да и раз в два года – спортивная олимпиада Изнанки. Благо коронованные земляне

ввели в сферу отдыха и развлечений за сотню различных спортивных дисциплин. Что создало серьезную конкуренцию такому популярному здесь издревле развлечению, как рыцарские турниры и рыцарство вообще.

При этом якобы полная независимость Сапфирного и его нейтралитет никого не вводили в заблуждение. В королевстве четко и безоговорочно правили губернаторы и мэры, назначаемые лично императорами. А король... Да что король? Старенький Славентий, может, и давился ядом собственного бессилия, но вынужденно довольствовался номинальной, чисто мишурной властью. Да и то должен был радоваться, что его не казнили за разжигание всемирной войны, за пленение ребенка Виктории и за смерть в плену ее первого мужа Теодоро. И не оправдывало его, что бестелесный демон Сапфирное Сияние якобы заставил пойти на преступления под угрозой немедленной смерти. Всегда Славентий был себе на уме, выслеживал, крутил и выгадывал, не останавливаясь и перед кровопролитием, для достижения своих целей.

Вот ему и сказали:

– Живи, радуйся и не отсвечивай.

Еще Сапфирное королевство славилось гигантскими торговыми центрами. Подобного и в столицах империй хватало, но в сердце континента все кричало о неуместной роскоши, бросалось в глаза особой вычурностью, ослепительным богатством и чрезмерным изыщством. Ну и так уж сложилось, что издревле в Сапфирном проживали лучшие ювелиры. Вот предметами роскоши, утыканными бриллиантами, рубинами, сапфирами и прочими драгоценностями, там и торговали. Да и полудрагоценный камень, используемый в королевстве для чаш, шкатулок, ваз и подсвечников, поражал тонкими узорами, мягкостью оттенков, глубиной текстуры и мастерством отделки.

Естественно, все обеспеченные люди и демоны, а также торговцы, спортсмены и деятели искусств мотались в центр континента рядами и колоннами. А обратно – желали ускориться по вполне понятным причинам. Кому захочется неделю трястись в скоростном дилижансе? Дороги и тракты в своих империях земляне сделали изумительными, еще и правителей нейтральных государств заставили подогнать качество дорог к минимальному стандарту. Но... Огромная часть путешественников предпочитала заплатить втрое, зато переместиться домой моментально. И все перлились с покупками, с медалями или с договорами в Бублград.

Четыре года все шло изумительно. Даже дети землян пользовались телепортом без малейшего зазрения совести, бесплатно ведь!

А вот год назад телепорт забарахлил. Или в него вселился некий вирус, банально издевающийся над путешественниками. То без покупок оставит клиента, то вообще голого или голую перебросит в его родной дом или на место, где дом стоял когда-то. Нет, покупки и одежда не пропадали! Они так и оставались кучками на белоснежном полу телепортационного зала. Но каков урон престижа!

Вещи и покупки потом отправляли клиентам почтовыми посылками. Приходилось разбираться с жалобами, извиняться и выплачивать дополнительные компенсации, потому что изначально они были прописаны в правилах пользования. Да и на международном уровне стали следовать скандал за скандалом. Потому что вирус особенно не жаловал персон знатных, венецианских и крайне спесивых. Статистика показала, что таких телепорт «раздевал и облегчал» в ста процентах.

Естественно, что именитые клиенты подозревали в издевательствах над собой конкретно императоров. Раз без их разрешения никто в этом мире толком и чихнуть не мог, то сразу прослеживался злой умысел с их стороны.

Престиж упал. Убытки чуть ли не перекрыли прибыли. А что сломалось и почему – ученым выяснить не удалось. Вот и следовало квартету землян решить извечно славянский вопрос: что делать?

– Следует также учитывать и политический аспект закрытия станции, – пустился в рассуждения Алексей, внимательно рассматривая со всех сторон диковинное пирожное. – Еще неизвестно, что хуже окажется для нашего престижа, ибо все хотят пользоваться телепортом, и это чудо связано с нашими именами...

– Скорей, со священным именем Семена Загребного, – напомнил Федор общеизвестную истину. В мире знали первопроходца в грозовую тучу и только ему приписывали заслуги покорения этого неприступного прежде места. – И не подумайте, что я как-то кощунствую по поводу памяти нашего отца, но мы как бы косвенно можем свалить вину на него. Мол, великий Загребной не все тонкости управления станцией передал в наши руки, вот и начались сбои в работе.

Все глянули на главу империи Иллюзий настолько осуждающе, что он жестами сразу дал понять: «Забудьте о только что сказанном». Но Мармеладка все-таки высказалась:

– Совсем берега попутал? На святое покушаешься?

Тогда как Виктор махом допил крепкий ром из своего кубка, со стуком поставил его на стол и заговорил резко, отрывисто:

– Почему вы боитесь глянуть правде в лицо? Думаете, если проблему не замечать, то она сама рассосется? Или ее вообще не станет? Уже полгода, как Лука Каменный сделал свои выводы и каждый из нас ознакомился с его версией причин «неисправности». Так почему не реагируете? Почему молчите? Мне лично по барабану! Мои рыцари в любом случае из своих доспехов и оружия ничего не теряют, так что для них телепорт можно и не прикрывать. А древние аристократы и нувориши – мне не указ. Но если все-таки закроем – тоже никакой трагедии не вижу.

– Ага, ты еще скажи: «Я солдат, и мне неведомы такие понятия, как меркантильность!» – не упустил возможности сыронизировать старший брат Алексей. – А как раз именно твои ревизоры больше всех носом роют в отчетностях Бублграда и вопят: «Куда делась прибыль?! Держи вора!»

– Ой, ну было раз недоразумение, – скривился Первый Рыцарь. – Ладно, ладно – пару раз... Но мои бухгалтеры изначально излишне честные и потому не могли поверить, что такие огромные суммы ушли на почтовые пересылки и компенсации. Я сам как вчитался, мм... расстроился.

Теперь ехидно улыбнулась Виктория:

– И потому отправил свою стервозную итальянку с комплексной проверкой всех доходов и расходов?

– Мармеладка, не трави душу! Жена просто собралась кое-что прикупить для себя в Сапфирном, ну и попутно заглянула в отчеты... – И тут же, поняв, что оправдывается, перешел в наступление: – И вы мне зубы не заговаривайте! Конкретно! Что скажете по предположениям Каменного?

Лука Каменный тоже был выходцем с Земли. Да не простым, а механиком и Кулибиным от бога. Он в свое время стал верным соратником Семена Загребного, отреставрировал ему корабль «Лунный» и к данному моменту, достигши семьдесят второго уровня шабена, считался несомненным авторитетом во всех отраслях науки, магии и техники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.